

КОНСТАНТИН
ТЕНЯКШЕВ

Прошлое
бросает
тень

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ШЕЛ ЧЕЛОВЕК ПО ГОРОДУ

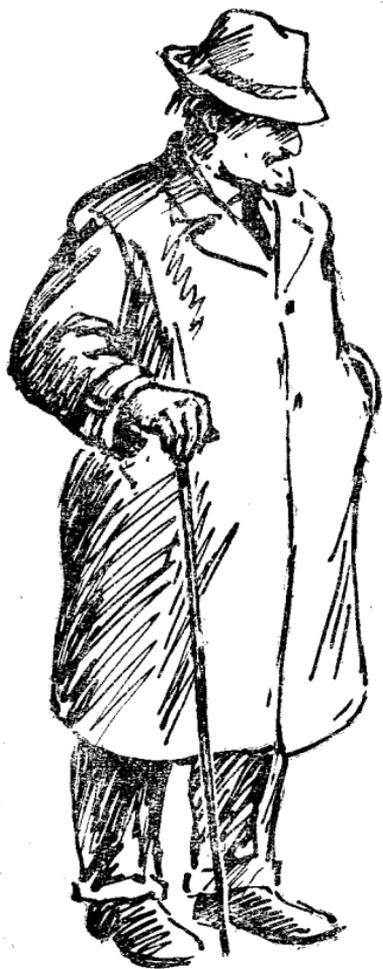
СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Все было знакомо Ивану и в то же время - незнакомо. Изменились за эти три года улицы города, появилось много новых домов, магазинов. Там, где раньше стояли низенькие унылые домишки, поднялось высокое здание кинотеатра, а у подъезда спрашивают: «Нет лишнего билетика?»

Правда, у Ивана не спросили. В помятом хлопчатобумажном костюме, кепчонке нашлепкой и пыльных башмаках, он мало походил на обладателя лишнего билета.

Солнце клонилось к закату. Косые лучи его отражались пожаром в оконных стеклах. Деревья, шеренгами протянувшиеся вдоль улиц, стояли тихие и какие-то покорные. «Осень скоро», - подумал Иван.

На душе у него было неважно. Не от того, что приближалась осень, грязная и скучная. Сегодня он, как и вчера, и позавчера, и три дня назад, не нашел работы.

Люди требовались везде. В отделах кадров его встречали приветливо, кое-где даже руки потирали, будто собирались с ним поздороваться. А потом, заглянув в его документы, человек сразу скучнел, барабанил по столу пальцами или вздыхал. Затем опускал глаза и говорил, возвращая ему бумаги:

- Понимаешь, пока не требуется нам ... Вот через месяц-другой ...

Иван молча забирал документы и выходил на улицу. Конечно, он понимал. Тут и объяснять было нечего.

Дойдя до вокзала, он с минуту постоял, обдумывая, что предпринять дальше. Возвращаться домой не хотелось. Опять увидеть глаза жены, смотрящие на него с надеждой, опять услышать робкое: «Ну, как? .. » - Никак,- вслух сказал Иван и даже рукой махнул. Проходивший мимо милиционер взглянул на

него и он торопливо свернул в вокзальный скверик.

Одна из маленьких аллей кончалась тупиком. Здесь, среди густых кустов запыленной акации, стояла одинокая скамейка. Иван тяжело опустился на нее. Потом

достал последнюю сигарету. Прикурил. Дым показался особенно вкусным, и он тянул сигарету до тех пор, пока не начало жечь губы. Потом долго сидел на скамейке, вытянув усталые ноги.

В конце аллеи появилась фигура пожилого мужчины в шляпе. Он не спеша приблизился, деликатно выбрасывая перед собою легкую тросточку.- Хм ... Никак Вихрастов?

Иван поднял голову, посмотрел на стоявшего перед ним человека, ответил, помедлив:

- Он самый. А вот вас что-то с трудом припоминаю.
Хотя обождите ...

- Вы - Грачев, если не ошибаюсь?

- Не ошибаешься.

Человек постоял, словно раздумывая - присесть ему или повернуть обратно. Потом сдунул пыль и примостился на краешке скамьи, расправив с светло-бежевый плащ-пыльник.

- Так, так ... Вернулся, значит. И сколько ж ты там откуковал?

- Три года конечно - А давали?

Пять. Скостили за поведение ... ну, и за работу, Досрочно, стало быть, освободили?

- Досрочно.

- Это хорошо.

Разговор больше не клеился.

Грачев, некоторое время с безразличным видом следил за воробьями, порхавшими в кустах акаций. Наконец, не выдержав длительной паузы, спросил, прикашливая:

- Ты ... кхм, кхм ... сердисься, наверно, на меня? Иван пожал плечами:

- Да нет, отчего? Зачем вам было нас покрывать?

Растаскали мы немало, цифры у вас были на руках, следствие попросило - вы сказали, что положено, и на суде так же выступили. Так что все в ажуре, как говорят.

- Должность она должность и есть,- облегченно вздохнул Грачев.- Тут уж ничего не попишешь ...

- Да вы не оправдывайтесь,- усмехнулся Иван.

Я понятливый. Сказал - зуба не имею, значит, не имею.

Они замолчали, искоса поглядывая один на другого.

Грачеву на вид было лет пятьдесят или чуть больше. Он носил аккуратную бородку клинышком. На темном морщинистом лице выделялись только глаза - светлые, детские. Остальное было непримечательно.

- Молчание снова затянулось, и, чтобы как-то нарушить его, Иван спросил:

- Вы все там же, бухгалтером на товарной?
Собеседник качнул головой:

- Нет, со станции я давно ушел. Теперь главбухом в университете работаю. - Он снял шляпу, обнажив седой зачес с косым пробором, и стал выправлять ее в руках.

Иван вдруг заговорил горько, с накипевшей злостью: - А мне ни черта не везет. Целую неделю хожу, пороги обиваю. Нигде не берут. Как заглянут в документы, сразу будто отрежут. Из милиции предлагали меня устроить, да только радости в этом мало: будут потом люди пальцем тыкать - вот, мол, чуть ли не под конвоем на работу привели. А мне конвой надоел! Человеком хочу быть, как все! - Он чувствовал, что, быть может, зря так разоткровенничался перед этим почти незнакомым человеком, но остановиться уже не мог. Целые дни одиночества среди людей дали, видимо, о себе знать. И он продолжал: - Так вот, понадеялся я на себя, да похоже - зря. Зря понадеялся ... Не берут. Не верят: думают, в первый же день что-нибудь сопру и оторвусь! - Он хмуро глянул на Грачева. - Как, по-вашему, можно мне верить?

- Тот пожевал тонкими малокровными губами.

- Хм ... Полагаю, что можно.

- А они вот не полагают!

Иван остыл так же быстро, как вспыхнул. Он сгорбился, поставил локти на колени и опустил голову.

Грачев внимательно изучал ручку своей трости, пощипывал клинышек бородки. Потом откинулся назад, глаза его полузакрылись, а лоб прорезали глубокие морщины, словно какая-то мучительная мысль не давала ему покоя. Так сидел он довольно долго. И начал совсем неожиданно:

- Видишь ли... помочь человеку в беде - святая обязанность каждого. Я тоже один из людей, и ... э-э ... ничто человеческое мне не чуждо . Конечно, я понимаю, что с твоим реноме, как говорили в старину, точнее - с таким прошлым, как у тебя, э-э ... трудновато рассчитывать на что-нибудь весомое ...

Иван насторожился, пытаясь понять, к чему гнет собеседник. Но тот замолчал, и он сказал как можно безразличнее:

- Да куда уж мне весомое! Специальности по существу никакой... Хоть бы приткнуться куда-нибудь, а то болтаюсь впустую, как дерьмо в проруби,- он хлопнул рукой по скамейке.

Старый бухгалтер привычно пожевал губами.

- Что ж, раз такое дело ... Но тут надо подумать.

-Как говорится, семь раз отмерь, один - отрежь.- Он встал, опираясь на тросточку.- В общем, зовут меня Викентий Лукич,- ты, наверное, забыл?

-Забыл,- честно признался Иван.

Оно простительно. Столько лет все-таки... Короче, чем смогу- помогу. Так что зайди ко мне сегодня вечером попозднее, поговорим. Здесь не место ...

Он сказал адрес, приподнял шляпу - церемонно, по-стариковски - и ушел, слегка помахивая тросточкой.

Проводив Грачева взглядом, Иван повеселел. Жизнь принимала другой оборот и уже не казалась такой мрачной, как полчаса назад. Он даже почувствовал, как пахнет листва акации, начинающей увядать.

Солнце закатилось. Небо густо посинело, прозрачные перистые облака, казалось, застыли в нем, окрашенные в розоватый цвет.

«Вечерком попозднее,- вдруг вспомнилось Ивану. Попозднее ... Боится, наверное, как бы люди не увидели, что к нему бывший «зэка» зайдет ... » Он невесело усмехнулся. Эх, и долго же теперь, наверное, не сотрется это проклятое клеймо! Может, всю жизнь ... Но неужели ему всю жизнь будут напоминать о злосчастной ошибке? Ну, сбился с пути раз - наказан, понял. Хочется вновь стать человеком, как все другие. Так дайте же возможность доказать, что не погибший, не пропащий! ..

Медленно тянулось время. Иван бродил около вокзала, поглядывая на стрелки больших электрических часов. Когда поблизости появлялся постовой, уходил в зал ожидания, битком набитый пассажирами. Не то чтобы боялся милиционера, а просто так, чтобы не мозолить глаза. Но в зале в этот теплый августовский вечер было душно, и скоро он снова выходил на улицу.

Небо померкло. Сквозь легкую дымку облаков проклюнулись первые звезды. Город зажег огни.

Иван решил пора. Он пешком дошел до знакомой улицы и с трудом узнал ее: дома были новые, дорогу перед ними разрыли - газ собирались проводить. Но дом, в котором жил Грачев, оказался старым, деревянным. Правда, двухэтажным. Иван выждал, когда на улице никого не будет, как бы не подвести человека, и нырнул в подъезд.

Грачев открыл ему дверь, провел в квартиру. В двух небольших комнатах стояла старая мебель, на стенах висели потертые ковры. Середину каждой комнаты занимал большой стол под тяжелой, потемневшей от времени скатертью. Видно, квартиру пытались

содержать в чистоте, но удавалось это плохо. Кое-где виднелась пыль, на маленькой скамеечке для ног, стоявшей около кровати, лежали измятые носки. Пахло нежилым.

- По-холостяцки живу,- коротко пояснил Грачев, запахивая на груди несвежий стеганный халат.

- Пойдем-ка на кухню. Не хочется сюда носить посуду.

На кухне Ивана обступило бесчисленное множество банок и баночек с маринадами, соусами и чем-то еще, непонятным.

- Ты уж извиняй, я по-простецки,- сказал Грачев, доставая графинчик с настойкой.- Водки не держу, вот этим только изредка балуюсь. А по части закуски - любую выбирай. Сам готовил. Вечерами делать нечего, вот и занимаюсь, так, по-стариковски. Сегодня вот грибочки мариновал ...

Бродя по городу, Иван не ел с утра, с тех пор, как ушел из дому, и с ходу принялся за еду, в пол уха слушая Грачева. А тот сообщал кое-какие новости городской жизни, жаловался на скучное стариковское житье-бытье, на рыночные цены - и ни слова не говорил о работе. Раза два Иван перехвати его взгляд, подумал про себя: «Изучает ... Ну и пусть. Когда-нибудь заговорит и о деле». И Грачев заговорил.

- Так вот ... Думал я тут до твоего прихода, как тебя устроить. Есть у нас одна вакансия ...

- Какая?- не выдержал Иван. Собеседник его неторопливо налил в стопку из графинчика, с расстановкой выпил, вытер губы салфеткой.

- Вакансия с кое-какой материальной ответственностью связана. Комендант нам требуется.

Понимаешь? Надежда, весь вечер теплившаяся в груди Ивана,

мгновенно угасла. Отвернувшись, он глухо пробормотал:

-Пустойномер. Не доверяют мне, ВикентийЛукич ...
Грачев подергал бородку.

- Можно сделать так, что и знать никто не будет.

-Если хочешь работать. Иван вскинул взгляд:

- Документы подделывать? Нет, на такое не пойду.
Вот чудак! При чем тут документы? На работе с моим мнением считаются, скажу кой-кому, чтобы о твоей судимости не распространились, и все. Впрочем, как хочешь ...

Было в этом что-то унижительное, но что именно -Иван понять не мог. Вроде бы ему предлагали выдать себя за другого человека. И в то же время насмешливый, издевательскийвнутреннийголос твердил ему: «А ты как думал? Что все пойдет как по маслу? Это, дружок, расплата! Не быть уж тебе чистеньким-беленьким, нет! И не думайбрыкаться: человек тебе дело советует, слушайего, он опытный, он знает, как быть дальше, как поступать! .. »

- Ладно, можно попытаться,- сказал Иван хриловато.

- Только справлюсь ли я? Ведь всего восемь классов кончил ...

Грачев махнул рукой- а, мол, пустяк. Потом снова взялся за графинчик:

- Еще выпьешь? Ну, конечно, выпьешь!.. Справишься, парень, не тужи.

Провожая Ивана, он сначала выглянул за за дверь. На лестничнойплощадке никого не было. Повернувшись к Ивану, хозяин тихо сказал:

- В общем, твердо не обещаю, но думаю - дело выгорит. Завтра позвонишь.

Спускаясь по лестнице, Иван чувствовал, что Грачев смотрит ему в спину, но оглядываться было неудобно. «И этот не верит,- с горечью подумал он.- Боится, что ли?»

ДНИ МИНУВШИЕ

Иван стоял на мосту, нависшем над железнодорожными путями. Отсюда хорошо был виден ярко освещенный вокзал, поблескивала внизу серебряная паутина рельсов; красные, зеленые, фиолетовые сигнальные огни перемигивались вдаль; небольшой маневровый электровоз, разрывая тонкими гудками ночную тишину, подталкивал цепочку товарных вагонов к темным громадам пакгаузов. Иван пристально посмотрел туда.

Пакгаузы. Огромные пристанционные склады. Чего там только нет! Тысячи, десятки тысяч различных товаров наполняют их объемистое чрево: яблоки и велосипеды, гвозди и свиные туши, станки, холодильники, ящики с шоколадом. Несколько лет назад он работал там грузчиком, и все эти товары проходили через его сильные руки.

Здесь, на этом самом мосту, стоял он однажды с девушкой. В больших влажных глазах ее отражались, как звезды, станционные огни. И не было лучше ее на всем белом свете.

А потом она стала его женой. Любящей, приветливой, преданной- настоящей подругой жизни. Правда родители Маши возражали против ее выбора: молод, мол, неопытен, заработки не ахти какие, квалификации никакой вообще. Ивана и самого мучили сомнения - понимал, что не совсем он пара для Маши. У нее торговый техникум за плечами, место неплохое: продавщица крупного отдела в универмаге, родительский дом.

А что он может ей предложить? Сам-то живет в холостяцком общежитии. Будущее тоже представлялось туманным. Звезд с неба Иван никогда не хватал, талантов особых за собой не наблюдал тоже, а за плечами - всего-навсего восьмилетка. Но Маша сказала твердо: пусть старики ворчат, если им нравится, но жить-то ей, а не им.

Тогда справили скромную свадьбу, купили половину небольшого дома и переселились под свою крышу. Иметь свой кров нужно каждому, истина общеизвестная, да только Ивану эти полдома обошлись дорого. Они с Машей истратили все сбережения да еще влезли в крупные долги. Получка за получкой словно в прорыву проваливались. Они ограничивали себя во всем, но долги уменьшались крайне медленно. К тому же и в доме у них почти ничего не было - только кровать, стол да пара старых стульев, оставшихся от прежних хозяев. На новое жительство перебирались летом, а когда наступили холода, выяснилось, что у них и топить нечем. Снова идти на поклон к родителям, которым они и без того сильно задолжали, Маша не захотела. Тайком от Ивана она продала одно из своих платьев и привезла дрова. Узнав об этом, он помрачнел, но промолчал. Ну что он мог сделать?!

«Не хмурься, Ванюша, не надо!- шептала она, обхватив его шею теплыми ласковыми руками.- Обожди немножко. Вот расплатимся с долгами, мебель купим, приоденемся ... А пока - потерпим ... »

Но у него не хватало терпения. Его, привыкшего в холостой жизни не считать денег, сейчас стала необходимость держать на учете каждую копейку. По утрам он ел картошку с растительным маслом, запивая чаем и уходил на работу. На обед Маша давала ему рубль, но он брал в столовой суп без мяса, самое дешевое

второе-кашу или надоевшее пюре- и сэкономил полтинник на следующий день. Хотел даже бросить курить, но был слишком сердит на постоянные ограничения, и из этого ничего не вышло. Однажды они грузили в вагоны мясо. Зимний день быстро померк. Уставшие к концу смены грузчики в полутьме развешивали на крючьях вагона-ледника огромные куски бычьих туш.

Мясо ... Почему-то на миг в мозгу Ивана промелькнула соблазнительная картина: Маша стоит около их маленькой, жарко пылающей плиты, а перед нею вместо чугунка с осточертевшей картошкой аппетитно пышет паром большая эмалированная кастрюля с наваристыми щами ... Оглянувшись, Иван заметил, что он один в вагоне. Голос кладовщика доносился из пакгауза, где рабочие нагружали тележки. Иван решил. Вытащил из кармана складной нож и, отхватив большой кусок от висевшей на крюке туши, сунул его за пазуху.

Сердце билось. Раньше он замечал, что некоторые из грузчиков таскают из складов кое-что по мелочам, но сам никогда не занимался: стоит ли пачкать руки!

и вот ...

«Ну и черт с ним,- подумал Иван.-Авось, сойдет. Обыскивать никто не будет».

Рабочий день близился к концу. Окончив погрузку, бригада пошла в пакгауз на перекур. Иван устроился поодаль от всех на перевернутом ящике. Неожиданно к нему подсел Рыжий- так называли этого развязного парня грузчики за его огненную шевелюру. О нем поговаривали, что весьма нечист на руку, но доказательств не было.

Рыжий достал помятую пачку вытащил папиросу. прикурил. Потом сказал негромко кривя губы в усмешке:

- Когда тянут мясо, то завертывают в тряпку и суют под ремень. А за пазухой прячут зеленые воробьи. Там только слепой не увидит!

Он смотрел в сторону. Иван чувствовал себя оплеванным.

- Опыт в нашем деле - великая вещь!- так же тихо. добавил Рыжий, как ни в чем не бывало, встал и пошел к другим грузчикам.

Дома Иван объяснил: грузили, кусок упал, в темноте не заметили, вот он потом и подобрал. Подобрал -только и всего.

Маша посмотрела на мужа внимательно. Видимо поверила, улыбнулась и сварила вкуснейший суп, заправив его картошкой и луком ...

Лиха беда, говорят, начало. Постепенно при погрузке стало «падать» все больше. Правда, домой Иван приносил далеко не все «упавшее»: стеснялся жены. Но зато теперь частенько, приходя с работы, выкладывал на стол три-шесть рублей: подработал на лесоскладе, дрова грузил ...

А на деле выглядело так. Вскоре после памятного случая Рыжий, присмотревшись к Ивану, затянул его в компанию, в которой было еще двое грузчиков. Все они «работали по мелочам». Взятые из пакгаузов забирал Рыжий, уносил куда-то, а потом являлся с водкой и деньгами. Первое время Иван пить отказывался, и всю его «долю» отдавали наличными. Потом Рыжий прижал его:

- Компанию не уважаешь? А знаешь пословицу: с волками жить - по волчьи выть? Мотай на ус!

И Иван стал частенько являться домой навеселе: мол, ходил в «Гортоп», опять подработал - брикет грузили, вот заказчик и угостил, взял бутылочку, погрейтесь, сказал, ребята, холодно нынче ...

Маша прощающе улыбалась, ерошила ему волосы:

- Только ты, Ванюша, не очень увлекайся этим ...
согревательным.

Он и сам понимал, что все это к добру не приведет, но успокаивал себя: вот вылезут из долгов, и он поставит точку.

А пока ... да что тут особенного? Подумаешь, кружок колбасы или что-нибудь в этом роде! Во все времена грузчики прихватывали от того, что грузили. Можно сказать - это их незаписанное право. Даже старший кладовщик, поймав однажды с поличным Петьку, дружка Рыжего, ничего не сказал начальству, только выругался и отобрал взятые из разбитого ящика плитки с шоколадом.

Но однажды Рыжий предложил Ивану большое «дело». Он обещал «уладить товар» сам с дружками, а ему, Ивану, оставалось только постоять «на стреме»-постеречь, пока они переправят через забор с территории складов несколько рулонов мануфактуры. Он заколебался. Возможность разом покончить с долгами была соблазнительна. С другой стороны, это, конечно, было опасно. О том, что он должен стать соучастником в краже, Иван уже не думал.

А потом был провал, за ним - арест, суд ... И взгляды сотен людей, и мучительный стыд, и горечь запоздалого раскаяния. Потом еще хуже: редкие свидания с Машей, ее жгучие молчаливые слезы, скудные продуктовые посылки, на которые она отрывала от жалкой суммы, остававшейся после расплаты с долгами.

Как прожила она эти три года? Только легкие морщинки, что появились у нее между бровями и в уголках глаз, говорили о том. Маша, Машенька ... Дорогая женушка, милая подружка!

... Иван тряхнул головой, отгоняя воспоминания, слегка оттолкнулся от перил и торопливо зашагал по акведуку.

Сегодня он скажет жене: ничего особенного, но появилась надежда. Ведь Маша так переживает, что его нигде не берут.

УТРО НОВОГО ДНЯ

На душе было смутно и тревожно, когда он подходил к телефонной будке. И сама будка, и улица, на которой она стояла, были новыми. Их построили, когда он был далеко отсюда.

Он нерешительно открыл стеклянную дверцу, шагнул внутрь. Трубка молчала. Он понял, что в волнении сделал что-то не так, и начал старательно изучать инструкцию - как пользоваться автоматом. Было такое ощущение, что он звонит из какого-то старого мира в новый, незнакомый ему мир.

Наконец в трубке женский голос сказал:

- Вас слушают.

Он заторопился:

- Я ... мне ... Там у вас работает товарищ Грачев ...

- Да, да, Викентием Лукичом зовут.- От волнения на лбу у Ивана выступил пот, и он вытер его широкой ладонью. Вот сейчас решится его судьба!- Викентий Лукич? Здравствуйте, Викентий Лукич. Это Вихрастов к вам звонит... Да я, Иван, мы еще на квартире с вами разговаривали ... Приезжать? Спасибо, Викентий Лукич! Большое вам спасибо! ..

По дороге в университет Иван взглянул на уличные часы. Было уже десять. На одиннадцать его вызвал начальник горотдела милиции Колосов. А вдруг в университете придется задержаться? Устроиться на работу- не пирожок съесть, на это время требуется. Как же быть?

Иван остановился в раздумье. С милицией шутки плохи. Туда лучше не опаздывать. С другой стороны, опять же, времени в обрез, а тут целый час ждать ... А может, все-таки зайти? Часом раньше?

Он свернул к милиции.

В приемной начальника никого не оказалось. Перед дверью с табличкой он нерешительно потоптался, потом постучал.

- Войдите!- донеслось из кабинета.

Он вошел и остановился.

- Я, гражданин ... простите, товарищ начальник ...

- Недавно оттуда?- поднял седую голову полковник.-

Проходи, садись.

Иван опустился на стул, стоявший перед столом.

- Правильно угадали, товарищ полковник, недавно.

- Здорово ж ты обучился ... Ну, по какому делу пожаловал? Хотя, постой,- он заглянул в настольный календарь.- Иван Вихрастов? Ага, на одиннадцать я тебя, братец, вызывал. По вопросу трудоустройства. Так как же у тебя с работой обстоит?

Иван замялся. Сказать или не сказать? Скажешь, а начальник запретит? Вполне возможно ...

Полковник ждал, поглядывая на посетителя. Иван кашлянул, будто прочищал горло. Ответил:

- Да вот сегодня обещали устроить. Сейчас еду. И куда?

В университет ...

По ученой части, значит, решил пойти?- не то недоуменно, не то с иронией осведомился Колосов.

- Да нет, что вы!- смутился Иван.- Работать буду ... так, вроде служащего. Сам еще толком не знаю.

Полковник помолчал, постукивая карандашом по столу.

- Что ж, ладно. Если устроишься сам, это тоже неплохо.

Но запомни: чтобы на какой угодно работе у тебя комар носа не подточил. Лекций читать не буду, ты сам уже ученый, понимаешь. Будет трудно с работой - приходи, всегда поможем, если твердо решил человеком стать. Все. Иди.

С чувством большого облегчения Иван покинул кабинет начальника милиции.

Еще до звонка Вихростова утром этого же дня к проректору университета по хозяйности Троицкому зашел озабоченный главбух Грачев.

- Здравствуйте, Николай Иванович ...

Троицкий, как всегда, был в отличном настроении.

- А, Викентий Лукич! Здравствуй, здравствуй. Что такой задумчивый? Баланс, что ли, не сходится?

- Баланс в порядке ... У меня к вам, так сказать, как бы это поточнее выразиться ... дело несколько щекотливого свойства.

Проректор хмыкнул.

- Выкладывай свое щекотливое дело. Да ты садись, - он приготовился слушать.

- Так вот, - начал Грачев, - есть у нас вакантная должность коменданта ...

- Есть такая, - подтвердил проректор. - Никак не подыщем человека-ставка, сам понимаешь, низковата.

Грачев пощипал клинышек бородки, помолчал, словно решая, говорить ему или не говорить.

- Так вот, - повторил он, - знаю я одного парня, который на эту должность согласен.

- Так в чем же дело?

- А в том, что парень этот из заключения вернулся.

Сидел за ... драку. По молодости, по глупости, как говорится. А вообще-то неплохой. Образование незаконченное

среднее имеет, сирота, работать рано пришлось. Жена у него есть. Сам энергичный, разворотливый. Помочь бы ему надо на ноги встать. Как вы думаете, Николай Иванович?

Троицкий потер подбородок, ответил осторожно:

- Положение, действительно щекотливое. Но !Принять ... А тем более на подобную должность. Чуть что-за него отвечать придется. Ты вот, например, ручаешься за него?- Проректор в упор посмотрел на Грачева.

- Я? .. Да, пожалуй ... Иначе бы и не пришел к вам.

- Что ж, это уже другой поворот. Тогда последний вопрос: какие у тебя причины за него хлопотать?

Грачев развел руками.

- Из, так сказать, соображений человеколюбия.

- Кроме того, и парень стоящий. А ошибок в молодости кто не делает? К тому же, говорят: за битого двух небитых дают.

Главбух умолк. Проректор сказал задумчиво:

- Пословица-то верна. И гуманность-вещь в нашей жизни необходимая. Даже неизбежная... Но оставим пока этот вопрос философам. Сдается мне, что ты о чем-то умалчиваешь. Так? Давай уж начистоту. Родня он тебе, что ли?

- Что ж, пусть будет начистоту,- вздохнул Грачев.- Дело тут, Николай Иванович, гораздо сложнее и упирается в вопросы не философии, а морали ... Хлопец этот мне не родственник. Когда его судили, я, как свидетель этой неприглядной истории, о которой рассказывать не хочется, давал показания. И ... э-э ... малость переборшил. В общем, парень получил несколько больше того, чем заслуживал. Я такого поворота не ожидал, но было уже поздно ... - Главбух сокрушенно развел руками и заключил:- Так что я перед ним в большом долгу, Николай Иванович!

- Вот это похоже на истину,- Троицкий стукнул костяшками пальцев по столу, словно поставил точку.- Ну, ладно, согласен. Веди своего парня. С отделом кадров я поговорю. О судимости, конечно, распространяться не стоит, а то парень будет чувствовать себя не в своей тарелке.

- И я так думаю,- быстро согласился главбух.- Так он скорее привыкнет тут, осмотрится, пооботрется ... а там видно будет.

- Решено.

- Ну, как?

Иван глянул в ожидающие глаза жены и широко улыбнулся.

- Все в порядке, Машенька! Приняли.

На сердце у нее потеплело, а в глазах сразу защипали слезы. Может быть, оттого, что впервые за последние годы увидела она, как муж улыбается, а может, от его ответа, такого долгожданного.

Он молча привлек ее к себе, сказал чуть укоризненно:

- Тут радоваться надо, а ты в слезы!

Маша подняла лицо:

- Смешной! Это же я от радости ...

Не отпуская, он поцеловал ее в щеку, посмотрел на легкие морщинки у переносья, подумал: «Это - из-за меня ... Так настрадалась».

- Теперь все будет хорошо, Машенька. Заживем спокойно, как все люди. Будет у нас сын. Потом домишко поправим ... Или продадим, другой купим, получше. А пока деньги будем понемножку откладывать. Правильно я говорю?

Жена прижалась к его крепкой груди, прошептала:

- Все правильно, Ванюша. Ведь должно же и у нас быть свое счастье. Ну, хоть небольшое, но свое! Я тебя так ждала, так ждала! .. Боюсь только - должность теперь у тебя ответственная, вдруг опять что-нибудь случится? И сам не будешь виноват, а другие подведут.

Брови его строго сошлись.

- Этого не случится. Хватит с меня. Раз пролетел, второго не надо.

- Ну, не будем больше об этом,- жена мягко высвободилась из его объятий,- давай ужинать, ты ведь, наверно, и не обедал сегодня?

- Нет,- признался Иван.- Как-то не до этого было.

ГОРЯЧИЕ ДНИ

В работу ему пришлось впрягаться сразу. Троицкий сам объяснил новому коменданту круг обязанностей . Он водил Ивана по всему главному корпусу университета, показывал аудитории, комнаты для занятий, лабораторные помещения, говорил:

- Вот, Иван Никифорович, наше с вами хозяйство. Как видите, немалое. И наша задача - держать все это, как говорится, в боевой готовности, чтобы хватало оборудования, мебели, не протекали потолки, не дуло в окна, не сыпалась штукатурка. Следите. Работы много, конечно, но вы не бойтесь. Есть поговорка: глаза страшатся - руки делают. Так-то ... Что понадобится- обращайтесь к снабженцу или, в крайнем случае, приходите ко мне.

Для начала Иван принял склад, навел в нем порядок. Там хранились в основном строительные материалы: щиты сухой штукатурки, цемент, алебастр, доски. Троицкий мягко предупредил:

- Старайтесь вести строгий учет. При приеме и выдаче материалов документацию оформляйте сразу, а то задним числом сделать это иногда бывает очень трудно.

- Хорошо, Николай Иванович,- ответил Вихрастов.- Только в документации-то я как раз слабоват. Никогда не приходилось с этим дело иметь ...

Проректор улыбнулся:

- Ничего в этом сложного нет. Выберите вечерок-другой как-нибудь на днях, попросите Викентия Лукича потренировать вас. Он ведь, кажется, вам благоволит?- Троицкий хитровато глянул на завхоза.

Иван смутился, не зная, что ответить.

- Ну-ну!- ободрил проректор по хозчасти.- Нечего стесняться ... В общем, в документации вы обязаны разбираться.

После «тренировки» Иван почувствовал себя значительно уверенней.

Учиться новому делу пришлось на ходу.

Приближалось начало занятий, а часть аудиторий еще не была отремонтирована до конца: когда старый комендант по болезни неожиданно вышел на пенсию, работы кое-где были приостановлены из-за отсутствия материалов. Теперь Иван снова вызвал штукатуров и маляров и возобновил ремонт.

Работа в гуще людей захватила его, и молодой комендант частенько брался не за свое дело. Так, однажды Троицкий застал его со стеклорезом в руке и покачал головой :

- Иван Никифорович!- он сокрушенно крикнул.-

Похвально, что вы принимаете близко к сердцу стекольное дело, но у вас внизу целая бригада штукатуров простаивает - ждет материалов. Так что вы, дорогой, распорядитесь там ... А стеклорез вручите кому-нибудь из подсобников, кто потолковее.

Совету Вихрастов последовал, однако и после этого попадался Троицкому то с водопроводной трубой на плече, то с ящиком извести, то проректор видел его за переноской батареей парового отопления.

Ему отвели отдельный кабинет, где помещались шкафы с архивами и оставалось достаточно места для большого стола и двух стульев. Предметом особой гордости Ивана стал телефон. На звонки он отвечал, сначала так: «Комендант университета Вихрастов Иван Ни-кифорович у телефона ... » Потом Маша, не раз звонившая ему с работы, посоветовала сократить эту пышную формулу до простого: «слушаю».

Одним из первых посетителей кабинета был Грачев. Войдя, он осмотрел обстановку, затем обратился к Вихрастову:

- Ну-с, мой дорогой, как устроился?
- Спасибо вам, Викентий Лукич. Устроился

замечательно.

- Работа нравится? Бежать не собираешься?
- Что вы, что вы!- замахал руками Иван.-Лучше и не придумать. Только трудновато с непривычки.
- Ну-ну,- пробормотал Грачев и, не сказав больше ни слова, вышел.

Часто заходил сюда Троицкий, всегда начинавший разговор с вопроса: «Как настроение? .. » По утрам появлялись в кабинете временные рабочие.

Постоянно окруженный людьми, Иван быстро втягивался в жизнь большого университетского коллектива. И поэтому, может быть, он, как и все административные работники, ощутил такую приподнятость настроения, когда первого сентября широко распахнулись двери главного корпуса и шумный поток студентов ворвался в здание. Это были не смиренные, тихонькие абитуриенты, безмолвными тенями скользившие недавно по коридорам.

Нет, это была совершенно другая публика: шумливая, своевольная, самонадеянная. На первых порах Иван даже побаивался ее, пока не сошелся со студентами поближе и не узнал их лучше. А случай такой представился ему довольно скоро.

ТРОИЦКИЙ ДАЕТ СОВЕТ

У проректора по хозяйству была привычка записывать в настольном календаре все дела, намеченные на день, а вечером проверять - всё ли выполнено. Вот и сегодня, собираясь идти домой, он заглянул в календарь, испещренный пометками, расшифровать которые мог только он сам.

Все было в порядке. И вдруг внимание проректора привлекла написанная в самом уголке фамилия: «Вихрастов». Он хмыкнул, потер лоб, затем решительно взялся за телефонную трубку:

- Иван Никифорович? Поднимись-ка ко мне на минутку ...

Он быстро переходил с людьми на «ты». Скоро комендант уже входил в кабинет.

- Присаживайся,- указал на стул Троицкий.- Рассказывай, как дела идут. Сегодня мы с тобой не виделись, так?

Сам он тоже сел,- не за стол, а напротив Вихрастова,- вытащил портсигар, закурил. Начался обычный разговор о хозяйственных делах, о нехватке некоторых материалов, необходимых для завершения ремонта, об установке нового оборудования в лабораториях. Поглядывая на коменданта, Троицкий изучал его наружность. На вид Вихрастову можно было дать года двадцать три. Ладно скроенный, широкоплечий, с крепкими рабочими руками, он производил довольно приятное впечатление.

Лоб у него был большой, чуть выпуклый, глаза смотрели прямо, но несколько застенчиво, что как-то не вязалось с пудовыми кулаками коменданта. «Смущается немного,- решил проректор.- Улыбка у него хорошая». Мысли не мешали Троицкому внимательно слушать коменданта, вставляя замечания. Он умел думать о многих вещах одновременно.

- Слушай,- неожиданно прервал он Вихростова на полуслове,- где твой отец?

Комендант смешался, удивленно посмотрел на проректора.

- Отца у меня нет. И матери тоже. Она еще в сорок пятом умерла. Я у сестры воспитывался, она тогда здесь жила, потом уехала с мужем на Урал - завербовались. И я с ними. Как шестнадцать лет исполнилось, сюда вернулся, в грузчики пошел... вернее, сначала разнорабочим, а потом уж и грузчиком стал.

- Вон откуда у тебя такие кулачища!- протянул Троицкий.- То-то я смотрю - на силушку не жалуешься ... Отец не на фронте погиб?

- На фронте, в Отечественную. В сорок третьем.

- Ясно ... Вот что, Иван Никифорович, образование у тебя какое?

- Восемь классов. Да все позабыл уже ...

- Вспоминать не собираешься?

Комендант вздохнул.

- Поздновато.

Это ты зря. Десятилетку тебе надо кончать непременно. Детей пока нет? Будут, наверное,- смущенно улыбнулся Иван.

- Так вот, пока нет - торопись учиться. Поступай снова в восьмой, а там подгонишь. Я могу попросить кое-кого из студентов, чтобы взяли над тобой шефство. Они бы тебя живо подтянули ... Как ты думаешь?

Вихрастов долго молчал, потом признался:
- Трудно мне сразу решить, Николай Иванович.
- Не думал над этим как-то.
- Ну, а теперь? Можешь подумать?
- Хорошо, Николай Иванович.
- Значит, договорились.- Троицкий положил руку ему на плечо.- Завтра или послезавтра скажешь, что надумал. Сам пораскинь мозгами, с женой посоветуйся.
- Идет?

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Осень стояла чудесная: с многоцветным листопадом, под светлым нежарким солнцем и синим прозрачным небом.

Студенты спешили использовать последние ясные дни: волейбольная площадка во дворе главного корпуса не пустовала с утра до вечера. Однажды, проходя мимо нее, Иван остановился посмотреть на игру. Кто-то тронул его за рукав. Оглянувшись, он увидел преподавателя физкультуры Залесного.

- Нравится?- указал тот кивком головы на площадку.

- А как же! Красиво.

- Есть игра еще красивее,- заговорщически сказал Залесный.- Теннис. Могли бы вы построить нам теннисный корт?

- За деньги все можно,- уклончиво ответил Иван. Коркин, Солодовников!- крикнул преподаватель, и от группы болельщиков отделились два студента. Залесный представил их Ивану:- Вот - оба ярые теннисисты. Покою мне не дают. А это - наш комендант, ребята, он может вам помочь, так что договаривайтесь. Ну, я пойду.

Студенты объяснили, что им требуется.

- Многовато,- сказал Иван.- Площадку, конечно, можно выкроить. Здесь, рядом с волейбольной. А что до остального, то кроме столбов, ничего нет. И денег в бухгалтерии тоже: ремонт все съел.

Теннисисты приуныли. Ивану стало жалко ребят.

Вот что, пойдете-ка к проректору по хозчасти.- предложил он.- Там и посоветуемся.

Вскоре они уже стояли перед Троицким. Иван изложил просьбу студентов.

- Теннис?- переспросил Николай Иванович.-

Неплохая игра. Я бы даже сказал - изящная.

- Так ведь денег нет.

- Над этим я как раз и думаю ... Вот что, Иван Никифорович, свяжитесь с нашим шефствующим заводом. По его профилю сетка там вполне может оказаться, а это главное.

- Когда они уже собрались уходить, Троицкий остановил всех троих.

- Иван Никифорович, а как у тебя с учебой? Решил, наконец?

Вихрастов помялся.

- Трудный вопрос-то, Николай Иванович. Ну, литературу или там историю с географией я еще подгоню, а уж математику с физикой, их просто никак не одолеть ...

Проректор кивнул, потом спросил веснушчатого студента:

- Вы ведь с физмата? По-моему, я там вас встречал. Второй курс?

- С физмата. Только третий курс,- поправил студент.-

Коркин моя фамилия. - Вот и отлично. Можно обратиться к вам с просьбой? Вот наш комендант, товарищ Вихрастов, собирается в вечернюю школу поступать, и ему нужны наставники

по физике и математике. А вы будущие преподаватели. Почему бы вам ему не помочь, а? Вроде практики, так сказать?

Студенты переглянулись.

- Разве что пополам с Солодовниковым,-сказал, кивнув на приятеля, веснушчатый.-А то одному трудно.

- Ладно,- согласился немногословный Солодовников.- Поможем. Но теннисный корт - с вас.

- Идет,- слегка хлопнул ладонью по столу Троицкий.
- Отныне, Иван Никифорович, это - твои кураторы, «заботники» в переводе на русский. А ты хоть лоб разбей, но корт им поставь!

... Когда Иван приехал на завод к шефам, там развели руками: «Да где же мы вам возьмем эту сетку?» Тогда он обратился в завком. Член завкома, седой неторопливый токарь, сам сводил его к начальнику снабжения, долго и напористо доказывал тому, что завод может оказать помощь студентам. Но хитрый начснаб сумел доказать обратное. Уходя ни с чем, токарь сказал Вихрастову:

- И вообще не стоило заходить сюда. Пройдохи они все, эти снабженцы.

Иван вздохнул:

- Я ведь тоже, можно сказать, снабженец, но, понимаешь, изворотливости никакой.

- Совесть, значит, на месте,- буркнул старый рабочий и потянул коменданта.- Зайдемка на кислородную станцию, спросим ребят, из чего они ограждения делают.

«Из сетки, конечно,- ответили им там.- Где берем? Известно, со склада».

На складе оказались сотни метров сетки, из которой изготовляли ограждения для станков, высоковольтного и другого оборудования.

- Ну и запасец!- сказал токарь.- После этого и верь снабженцам. Идем к директору.

Директор оказался человеком деловым.

- Конечно, просто подарить новый материал мы вам не можем. Но можем продать. Денег нет? Это хуже. Поищем другие пути ... В ваших силах организовать, скажем, субботник в пользу завода? Тогда мы вам выпишем деньги, потом продадим за них сетку- и стройте на здоровье.

Иван разыскал «своих» студентов, изложил им результаты поездки на завод.

- Субботник? Устроим,- кратко сказал веснушчатый Коркин.

Через неделю корт был готов, и Коркин с Солодовниковым на правах зачинателей дела первыми взялись за ракетки. А Иван... пошел домой, посмотрев всего одну игру - теннис ему не понравился: вот футбол -это да! Но он шел и улыбался. Приятно все-таки сознавать, что и ты сделал что-то для людей ...

ЖИЗНЬ ВХОДИТ В КОЛЕЮ

Минули месяц, другой. После долгой и сухой осени зима наступила неожиданно. В каких-то два дня резко похолодало, подул северный ветер, посыпалась сухая снежная крупа. Иван купил шапку-ушанку и валенки. На пальто пока еще не накопили, пришлось ходить в старом. Но это не особенно его огорчало. Главное - настроение было отличное. К работе своей он привык, и теперь в главный корпус университета, где на первом этаже помещался его кабинет, входил как к себе домой. Хозяйским глазом осматривал стены и окна коридора, заглядывал в пустые аудитории, проверяя -нет ли ломаной мебели, не текут ли батареи парового отопления.

Заметив неполадки, шел к Троицкому посоветоваться, что предпринять. Немало времени уходило на поиски различных материалов, в его же обязанности входило заботиться о снабжении котельной углем.

Едва ли не больше сил, чем работа, требовали занятия в вечерней школе, куда он все-таки поступил, а учеба давалась с громадным трудом: он еще только-только догонял остальных. И когда получил первую четверку - по литературе,- радости его не было конца.

Все дни у Ивана теперь заняты были настолько плотно, что он с помощью Солодовникова и Коркина составил себе нечто вроде универсального графика, где буквально по часам были расписаны работа и уроки в вечерней школе, домашние дела, занятия самостоятельные и с шефами. Лишь в воскресенье удавалось ему выкроить часок-другой, чтобы сходить с Машей в кино или просто прогуляться по улице.

Иногда, вернувшись из школы часу в одиннадцатом, а то и в двенадцатом, он снова садился за учебники и засиживался далеко за полночь. Маша звала его спать, он отмахивался:

- Ну обожди же! Понимаешь, уравнение такое хитрое попало, никак ответ не сходится,- и снова погружался в дебри иксов и игреков, пытаясь уловить ускользающий ход решения алгебраической задачи.

Жена в ночной сорочке неслышно подходила сзади, склонялась над его тетрадкой, прижимаясь к крепкому плечу мужа, старалась припомнить, чему ее учили, вздыхала:

- Перезабыла все ...

Иван, не поднимая головы от тетради, вразумлял ее.

Вот готовься сейчас, а на будущий год сдавай в наш университет, на вечернее или на заочное ... И будет у нас ученая семья.

Она смеялась:

- Не слишком ли много ученых для одной семьи?

- Ученье не вредит. И сам малость умнее

становишься, и заработок потом повышается. В общем, прямой расчет,- солидно говорил Иван.

- Кем же ты сам-то хочешь стать?

- Понимаешь, еще не решил. Что-нибудь по электрике бы ... Интересная профессия и нужная ... Я вот подумаю, может, в какой-нибудь электротехнический техникум заочно поступлю, а то очень уж долго учиться ... Надо же кому-то из нас и деньги поприличнее зарабатывать.

- Главное - сам учишься, с деньгами уж как-нибудь обойдемся.

- Спать ложись, тебе говорят!- закричал вдруг Иван, спохватившись.

По воскресеньям приходили студенты. Объясняли материал они превосходно, только, на Машин взгляд, им не хватало терпения: готовы были за один присест проштудировать со своим подопечным весь учебник физики или геометрии. После занятий Маша обязательно усаживала «шефов» за стол и кормила скромным, но плотным обедом. Студенты обычно долго отказывались, но ели всегда с завидным аппетитом.

Иногда, когда не было срочных дел в университете, Ивану удавалось выкроить время для занятий и в рабочий день. Тогда он подкарауливал Солодовникова или Коркина, и, если хоть один из студентов был свободен, они, запершись на часок в его кабинете, решали задачи или разбирались в тонкостях физических законов. По немецкому с Иваном занималась студентка с литфака Катя Степанова. С нею его познакомил шеф. Катя, в отличие от Солодовникова с Коркиным, была

очень терпелива и усидчива. Она могла сто раз возвращаться к одному и тому же, пока Иван, наконец, не усваивал необходимого правила. Это она заставила его ежедневно выписывать по десять немецких слов и заучивать их с утра. Поднявшись с постели, он умывался и перед завтраком сидел за коротеньким списком, а потом по нескольку раз в день вытаскивал из кармана контрольный листок и проверял, правильно ли заучены слова. Случалось, что, сидя в бухгалтерии или проходя по коридору университета, он бормотал: «Дас фэн-стэр-окно, хэльблау-голубой, ди фрюлинг - весна ... »

Это неясное бормотание услышал однажды, спускаясь по лестнице, Троицкий. Не поняв сразу, в чем дело, он подошел к коменданту, стоявшему на площадке, тронул его за плечо.

- Это ты о чем, Иван Никифорович? Тот, углубившись в свое занятие, ответил не сразу. Увидев проректора, улыбнулся.

- Слова зубрю, Николай Иванович, немецкие ... Степанова заставила.

- Вон как! А я уж думал-не заболел ли ты, что сам с собою разговариваешь!- Троицкий засмеялся.-Давай, продолжай, не буду мешать.

«Смотри ты, как пошел парень,- думал проректор, спускаясь по лестнице.- Просто не узнать ... ». Он вспомнил, каким пришел Вихрастов: неловко смущающимся. И много ли прошло с тех пор - всего месяца четыре! Великое дело -приставить человека к месту да не забывать поправлять ...

О том, что в этом и его заслуга, Николай Иванович не подумал. Не умел считать своих заслуг.

А Иван остался стоять на площадке. Смотрел в окно безумными глазами, зубрил без мятежно немецкие слова. И не знал, что готовит ему впереди жизнь.

ТУЧА НА ГОРИЗОНТЕ

Зимняя сессия. Студенты собирались группами, вели разговоры об экзаменах и экзаменаторах, подолгу задерживались в библиотеке, выстаивались в очередь у кабинета иностранных языков: спешили сдать «хвосты» - задолженность по домашнему чтению. А кое-где в уголках уже весело обсуждали план встречи Нового года.

Лишь у Ивана Вихростова настроение было хуже некуда. И на то были свои причины.

... На днях он пришел домой нетрезвый. Пришел, молча разделся, сел на стул в кухоньке, отгороженной от их единственной комнаты тонкой фанерной переборкой, и стал смотреть в темный угол, не зажигая света. Маша, ласковая, заботливая Маша, подошла, привычно взъерошила его волосы, ждала, когда он заговорит. Но он, казалось, даже не заметил ее присутствия.

- Ну, что такой хмурый? С какого горя выпил?-не выдержала она.- Нездоровится?

Иван тяжело вздохнул, отрицательно помотал головой. Жена встревожилась.

- Неприятности на работе или еще что-нибудь приключилось?- снова спросила она. Муж не отвечал, и она повторила настойчивее:- Что же случилось?

- Отстань,- сказал он неожиданно грубо, как ни разу еще после своего возвращения не говорил. Затем, видимо, почувствовав, что сделал неладно, слегка привлек ее к себе и тут же отпустил.

В школу в этот вечер он не пошел. Разделся и лег на кровать, закинул руки за голову и - думал, думал о чем-то ... Лишь ночью, когда жена, потушив свет, прилегла рядом, не выдержал, рассказал.

... С некоторых пор он начал замечать на себе любо-

пытные взгляды сослуживцев, особенно женщин. Он поправлял лацканы старенького пиджака, проверял ворот рубашки - может, пуговица отлетела? Нет, его не переставали разглядывать исподтишка, хотя костюм был в полном порядке: Маша всегда вовремя бралась за иглу или утюг. И притом рассматривали так, будто видели впервые. Немного времени прошло, и Иван почувствовал, что отношение к нему на работе в чем-то изменилось. Внешне это проявлялось хотя бы уже в том, что разговаривать с ним стали стесненнее, торопливее, будто собеседнику не терпелось срочно закончить какое-то очень нужное дело. «С чего бы это?-терялся в догадках Иван.- Может, я маху какого то дал в работе? .. »

Сегодня он спросил одну из машинисток:

- Ты что это меня изучаешь? Постарел я или помолодел?

На шутливо заданный вопрос та сразу не ответила, неожиданно вспыхнула, смутилась. Потом пролепетала:

- Да просто так ...

Ивана это не удовлетворило, а потому, поймав в коридоре Викентия Лукича, он поделился своими наблюдениями.

- Повышение тебе, наверное, предстоит,- развел руками главбух,- а женщины, как водится, первыми пронюхали, вот и разглядывают.- И он засмеялся, не разжимая тонких губ. Потом похлопал Ивана по плечу.

- Ты не обращай внимания: женщины - они и есть женщины. Им всегда пища для любопытства нужна. Сегодня тебя рассматривают, завтра - меня, а там кого-нибудь еще. Знаю я этих сплетниц ...

Главбух ушел. Иван махнул рукой и тоже пошел заниматься своими делами. Весь день, вызвав три самосвала, возил со станции уголь к котельной главного

корпуса. И лишь когда начало темнеть, с последним рейсом вернулся, что-бы оформить документы. В здание он вошел со двора - так было ближе. Поднявшись на второй этаж, где помещалась бухгалтерия, он остановился в маленьком коридорчике, проверяя в последний раз накладные перед тем, как сдать их. И вдруг услышал голоса, доносившиеся из-за угла - коридорчик делал в этом месте поворот. Разговаривали две женщины. Он не обратил бы на это внимания,

если б одна из них не упомянула его фамилию. Тогда Иван невольно прислушался.

- Уж мне вы можете поверить, милочка, из самых надежных источников! Я даже поинтересовалась в отделе кадров - там же моя подруга работает, вы знаете. Подняли тихонечко его личное дело, заглянули. И вы представляете - все годы отмечены, а трех в его трудовой книжке как не бывало!

По голосу Иван узнал Аиду Прокофьевну, бухгалтера, носатую женщину неопределенных лет, с которой ему приходилось сталкиваться почти ежедневно: все наряды, накладные и другие его документы проходили через ее руки. У Ивана все внутри замерло и похолодело. Вот оно, чего он так боялся! Узнали, раскопали...

А бухгалтер между тем продолжала:

- Просто уму непостижимо, как это наш инспектор

по кадрам мог его
принять?! Или он не
смотрел его до-кументов?
Но этого быть не может: он
такой аккура-тист! .. Ну, я
понимаю, могли взять
этого человека...

э-э, так сказать, на пере-
воспитание. Но брать на
должность коменданта! В голове не укладывается: кот
поставили стеречь мясо. Что вы на это окажете?

Ноги сами поворачивали к выходу на лестницу. Но
бессознательное желание выслушать свой приговор до
конца удержало Ивана.

Заговорила другая женщина. Голос ее звучал очень тихо:

- Если это так, Аида Прокофьевна, то очень печально.

Но честно говоря, все-таки в душе я с вами не согласна.

Вот как сейчас его вижу: скромный, застенчивый, может, немножко неразвитый по сравнению с нашей университетской публикой ... однако - он не преступник: у него очень добрый взгляд ... Пусть даже этот человек участвовал когда-то в краже.

«Верно!»- прорываясь сквозь горечь происходящего, сказал в Иване внутренний голос, и чувство признательности к своей защитнице шевельнулось в глубине его души. Теперь он уже не мог уйти не дослушав. Кто-то обжаловал приговор, с которым он готов был согласиться.

- ... Кроме того,- простите, может, это покажется вам странным - на месте инспектора по кадрам я могла бы сама, понимаете, сама взять именно такого человека, именно на такую должность. Мне всегда хочется не только видеть, но и будить в людях хорошее. И мне всегда казалось, что доверие даже помогает делать хороших людей. Макаренко, например, описывает, как однажды он доверил бывшему вору большие деньги ...

- Мало ли чего писатели не выдумывают!- недовольно сказала бухгалтер.

- Макаренко не столько писатель, сколько педагог и воспитатель трудовой колонии,- словно извиняясь, пояснил тихий голос,- и в своих книгах он почти ничего не выдумывал.

- Нет, милая,- прервала Аида Прокофьевна,- писатели-воспитатели могут говорить все, что им угодно, э вы вот попробовали бы ежедневно выписывать собственной рукой материальные ценности вору!

- Бывшему ... если даже это так,- несколько громче возразила собеседница, и тогда Иван узнал голос библиотекаря.

- Я удивляюсь, как вы не поймете. Я теперь вынуждена даже свою сумочку запирать в стол.

Женщины продолжали спорить. Иван, наконец, опомнился: осторожно ступая, пошел обратно по коридору.

Ему никого не хотелось видеть, и он вышел, как и вошел, через черный ход. Постоял во дворе, потом бесцельно направился на улицу. Ранний зимний вечер встретил его яркими огнями фонарей и морозным, пробирающимся под пальто ветерком. Легкая дрожь прошла по спине Ивана и заставила его очнуться. Куда идти? Домой? Там скоро придет с работы Маша, конечно, заметит его настроение, начнет допытываться, в чем дело ... А разве ей расскажешь, что гнетет душу? Как она поймет, если не знает, что такое клеймо, черное пятно, которого не отмыть. Откуда ей знать, как ранит в самое нутро косой взгляд еще вчера приветливого человека? .. Или - поймет? Она ведь немало пережила из-за него. И на нее, верно, косились: вот, мол, жена заключенного, муж в тюрьму за кражу сел. А если и поймет, то к чему это? Ворошить старое, будоражить старую боль ...

Нет, пока он домой не пойдет. Эх, если бы встретить хоть старых товарищей. Все по разбрелись кто куда: тот уехал, этот получил квартиру где-то в новом районе. Пойти в общежитие, где когда-то жил? Вряд ли там его ждут. Если и есть кто из «старичков» - начнутся расспросы ... все то же, все о том же.

... У самого тротуара вдруг распахнулась дверь, на улицу вырвался нестройный многоголосый разговор. Пивная. Зайти, что ли?

Пожилой мужчина с красным рябым лицом приятельски толкнул его в плечо: - Ты что на пиво нападаешь? С этого, брат, здоров не будешь,- он громко захохотал.- Давай-ка со мной беленькой. А? Сначала - мою, потом ты возьмешь.

Ивану было безразлично.

- Черт с ним, где мы не пропадали! Давай. Выпили четвертинку случайного знакомого, сходили в соседний магазин за другой. Потом за третьей ...

- А ты плюй на все!- говорил краснолицый мужчина. Вначале он назвал свое имя, но потом Иван забыл его.- Подумаешь, неприятности на работе! Да у меня, брат, можно сказать, вся жизнь из этих неприятностей состояла, и - видишь: жив-здоров, и стопка от меня пока еще не бегают. Так что не горюй, есть пятачок- и хрюкай,- он снова захохотал.

- Я и не горюю,- невесело сказал Иван. После водки чувство горечи притупилось, но настроение не поднялось. Тогда он простился со случайным собутыльником и побрел домой. Так закончился для него этот злосчастный день.

ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ

Маша сказала:

- Что бы там ни говорили, а падать духом все равно нельзя. Если будешь хорошо работать, так к чему они будут придирааться? А что узнали о судимости,- может, даже лучше. Ведь где бы ты ни работал, узнать все равно узнали бы. Уж лучше сразу перетерпеть. Тебя ведь увольнять никто не собирается!

Увольнять его действительно никто не собирался. Главное - Троицкий ничего не говорит, Викентий Лукич поддерживает по-прежнему. Так чего же ему паниковать?

К такому выводу пришел Иван утром, когда холодная вода из умывальника и крепкий чай освежили его. И вообще Маша права: стоит ли вешать нос из-за какой-то старой сплетницы.

До университета было вдвое дальше, чем до магазина, в котором работала Маша, поэтому Иван всегда уходил первым. Вот и сегодня, одевшись, он встал у порога, когда жена только еще убирала со стола посуду. Берясь за ручку двери, оглянулся:

- Ладно, Машенька. Не такое пережили.- И вышел. Еще по дороге подумал, что первым делом надо будет сдать вчерашние накладные в бухгалтерию. Однако стоило ему вспомнить о пепельных буклях и внушительном носе Аиды Прокофьевны, как мужество покинуло его. Если уж она ведет такие разговоры с библиотекаршей, то в бухгалтерии наверняка все давно известно, недаром на него там в последнее время все глаза пялят. Хорошо хоть, что там Викентий Лукич сидит - он наверное приструнивает их немножко ...

Оттягивая неприятный момент, Иван долго сидел в своем кабинетике. Потом придумал дело: его просил зайти проректор по хозчасти, так почему бы и не сходить к нему с утра?

Но именно там он и столкнулся с Аидой Прокофьевной. Пятясь задом, она выходила из кабинета Троицкого, что-то договаривая на ходу. Последнюю фразу Иван услышал ясно:

- Я вас предупредила, Николай Иванович, потому что считала себя обязанной.

Она повернулась и, очутившись лицом к лицу с Вихрастовым, испуганно зажала рот рукой. Затем мгновенно исчезла из приемной.

- Прикрыв за нею дверь, Иван вошел в кабинет проректора, поздоровался, спросил хмуро:

- Это насчет меня она приходила, Николай Иванович?

Троицкий секунду подумал и утвердительно кивнул головой.

- Неважные дела, Иван Никифорович. Узнали в университете о твоей судимости. Теперь мне проходу не дают ... Тебе, наверное, тоже не сладко приходится?

- Да, я вчера слышал об этом. От нее же,- Иван махнул рукой на дверь, в которую вышла бухгалтер.-Случайно услышал.

- Аиде Прокофьевне только на зуб попади!

Что же мне теперь делать, Николай Иванович?-Иван мял шапку в руках, вопросительно глядя на проректора.- Раз все известно?

Тот откинулся в кресле, побарабанил пальцами по столу, переложил с места на место несколько предметов.

- Делай то же, что и раньше. Работник ты неплохой, к делу серьезно относишься, стало быть, и рассуждать нечего. А болтовня эта постепенно затихнет.

Перемелется - мука будет, как говорит народ... Теперь вопрос: ты в самом деле сидел за кражу?- Троицкий испытующе посмотрел на Ивана.

Вихрастов покраснел. Отпираться было нельзя.

- Да,- тихо ответил он и опустил голову.

- Почему же скрыл?

- Да ведь иначе вы меня не приняли бы ... А меня и так нигде не принимали.

Проректор молчал долго. Так долго, что даже через плотно закрытые двери кабинетного тамбура стало слышно, как где-то в глубине коридора разговаривают и смеются студенты. Иван ждал, не поднимая глаз. Сейчас решалась его судьба.

- Ладно, иди,- сказал наконец Троицкий.- Иди и помни, что я на тебя надеюсь. Не подведешь?

Иван облегченно вздохнул: отлегло- от сердца.

- Не подведу, Николай Иванович!

Побродив по коридору и успокоившись, Вихрастов поднялся на второй этаж, в бухгалтерию.

Увидев его, Аида Прокофьевна порозовела, как девочка. Однако тон ее был сух, движения остались сдержанными. Не глядя на коменданта она приняла отчетные документы, долго и придирчиво рассматривала их. Казалось, будь у нее микроскоп, она не поленилась бы изучить с его помощью каждую букву. Иван не выдержал: - Все, что ли?

- Вы свободны,- нехотя выдавила бухгалтер.-
Запомните: теперь угля должно хватить до конца отопительного сезона.

- До конца и хватит,- спокойно ответил Иван.

- Сомневаюсь,- сказала вдруг Аида Прокофьевна зловеще.

В кабинете наступила тишина. Иван понял, что подразумевала под последним словом бухгалтер, и почувствовал, как все, сидящие здесь, настороженно ожидают его ответа. Лицо коменданта потемнело. Стиснув зубы, он процедил:

- Напрасно сомневаетесь. Углем я не торгую!- И вышел, хлопнув дверью.

В кабинете воцарилась тишина.

Весь день работа валилась у него из рук. Он брался за одно, бросал, принимался за другое, и опять не клеилось. В половине четвертого в кабинет зашла Катя Степанова, как всегда спокойная, аккуратно причесанная, с ученическим портфелем в руке. Неторопливо пристроив на горке деловых бумаг шапочку-колпачок, села перед Иваном, раскрыла портфель.

- И так, что у нас на сегодня? Ага, плюсквамперфект. Надеюсь, вы не заняты сейчас? Кажется, не заняты, только немножко кисловато выглядите. Но времени у нас в обрез -к пяти мне на зачет,- так что доставайте бумагу, берите ручку и слушайте.

Деловитость девушки подействовала на него успокаивающе, как голос врача на больного. Иван потер лоб, вытащил чистую тетрадку. Виновато признался:

- Вы уж простите, Катя, только слова я сегодня не выучил ...

- Это неизвинительно,- педантично поджала губки студентка, но тут же, не выдержав тона, рассмеялась:- Ставлю вам неуд. Поехали дальше. Плюсquamперфектом называется одна из временных форм немецкого глагола. Она выражает действие, которое совершилось в прошлом раньше другого действия ...

Студентка так обстоятельно объяснила ему, что значит « прошедшее в прошедшем», что когда он уже все понял, она еще продолжала объяснения. Не желая ее перебивать, Иван делал вид, будто слушает, сам же думал о своем. Когда она закончила, он вдруг спросил ее задумчиво:

- Скажите, Катя: «До того как стать преступником, он был честным человеком ... »- это плюсquamперфект? Она удивленно вскинула пушистые реснички:

- Ну и пример!- Чутьочку подумав, сказала:-Вообще, это предложение с временным придаточным. Но оттенок плюсquamперфекта, безусловно, есть: сначала «был», потом «стал», одно действие предшествовало другому и оба - в прошлом.

- Оба - в прошлом?- неожиданно заинтересовался Иван.- Хм ... А что же сказать об этом человеке сейчас?

- Не знаю,-пожала плечиками Катя.- Ваш пример об этом не говорит. И вообще, перестаньте отвлекаться ...

Она постучала карандашом.

Урок продолжался.

Придя домой, Иван сказал жене:

- Ты знаешь, кто я? Я - плюсquamперфект: сначала-

«был», потом - «стал», а что сейчас из себя представляю - никто не знает.

Маша улыбнулась:

- Я знаю. Ты - хороший .

... И ПОЛГОДА СПУСТЯ

Отошли зимние метели, от звенели морозы. Потом под улыбчивым весенним солнцем журчали ручьи и распускались первые, клейкие и пахучие, листья на деревьях. Затем они стали крепкими, широкими, темно-зелеными, густой тенью прикрыла и городских пешеходов от яркого июньского солнца.

Иван Вихрастов работал и учился, учился и работал так, что не знал ни остановки, ни передышки, словно хотел наверстать потерянные три года. Да он и в самом деле желал этого.

Конец июня знаменовал для него окончание восьмого класса и прибавку хлопот по работе. С завершением сессии студенты должны были вот-вот разъехаться на каникулы, они ждали только выплаты стипендии. А Иван уже снова взялся за ремонт помещений главного корпуса. В эти дни он помогал заведующему лаборатории маркировать и укрывать оборудование перед ремонтом. Малярные работы уже начались. Часть маляров приходила во вторую смену. Иван допоздна задерживался с ними, как говорил Маше, «для хозяйского глаза». Вот и вчера задержался.

В бухгалтерию он теперь забегал чаще, чем прежде: требовалось выписать то одно, то другое, больше по мелочам. Там его неизменно встречал холодный взгляд Аиды Прокофьевны. Но Иван уже привык не придавать этому взгляду значения: шут с ней, с этой недоверчивой бухгалтершей, когда-нибудь сменит же гнев на милость!

Для других работников бухгалтерии острота неожиданного открытия, видимо, сильно ослабла. Они уже не изучали его пытливо, выжидающе, будто он был злым чародеем, который вот-вот должен выкинуть какую-то коварную штуку. Нет, просто смотрели как на всякого другого человека. Так же обстояло и со всеми другими сослуживцами. И душа его успокоилась, хотя втайне он продолжал ждать какой-нибудь неприятности.

Однако сегодня все раздумья, опасения, служебные заботы отодвинулись внезапно на самый задний план. В блаженном ослеплении шагал он на работу. Лучи утреннего солнца отражались в окнах домов. Мелкий ветерок играл в листве пихт и тополей, с шуршанием проносились по асфальту автомашины. А Иван ничего не замечал

... Весь вчерашний вечер Маша была рассеянна. Она бродила по дому какая-то отсутствующая, обычную свою домашнюю работу делала механически, не стараясь, что уж никак на нее не было похоже. Потом долго сидела на стуле, беспричинно улыбалась, смотрела на мужа странными глазами - будто зрачки у нее были повернуты внутрь. И только поздно вечером, когда он - по привычке - занимался, вдруг села рядом, прижалась теплой грудью к его руке, спросила:

- Ванюша, ты любишь детей?

Он нехотя оторвался от чтения.

- Детей? .. Не знаю. А что?

Она облизнула полные губы кончиком языка, прижалась еще крепче.

- Хотел бы ты иметь собственного ... ребенка?

- Что за вопрос! - Иван пожал плечами. - Детей всем положено иметь, стало быть и мне, и тебе, нам.

Маша долго молчала, потом притянула его голову и прошептала на ухо:

- У нас будет ребенок.

... Вот и шел сегодня Иван, глядя прямо перед собой, ничего не замечая по сторонам. Никогда он ровно не отличался особым воображением, но сейчас одна за другой проходили перед его внутренним взором картины будущего. Они идут с Машей по улице и несут его ребенка - большой кокон одеяльце. Несут с доброй улыбкой ... Или идет он - с сыном. Сын держится за руку, спрашивает, скажем: «Пап а почему птица летает?», а он, Иван, отвечает: мол птица потому летает, что опирается на воздух, и дальше в том же духе. Или они на демонстрации и сын сидит на плече с флажком в руках красным. Или... Эх ты, уже пришел. Ну, ладно.

Иван миновал вестибюль, глянул по дороге на часы. Они показывали, что рабочий день начался семь минут назад. «Эка, размечтался, - подумал он. - Даже от служебного времени прихватил». Впрочем, это его не обеспокоило. За ним никто не проверял - когда он приходит на работу, когда покидает здание университета. С него спрашивали только за дело.

Когда он поднимался по лестнице, навстречу застучали дробные женские шаги. Он поднял голову. Сверху, стремительно считая ступеньки, спотыкаясь, бежала Лидия Николаевна - старший кассир. Он поздоровался и освободил ей дорогу. Она не ответила, пронеслась мимо метеором. Только и успел заметить Иван, что на ней, что называется лица не было. Покачал головой: на такой скорости и голову запросто можно свернуть!

Интересно, куда это она так несется? Да, сегодня же день полочки, а у студентов стипендия. Наверно, ключ от кассы дома позабыла. А обычно такая аккуратная ...

Посмотрев ещё раз вниз, Иван добродушно усмехнулся, снова покачал головой и пошел в бухгалтерию.

Дверь была приоткрыта, и оттуда доносились непривычно громкие голоса. Кто-то из женщин торопливо рассказывал:

- ... выскочила из кассы - лицо белое, стала дверь закрывать - руки трясутся, никак ключом в скважину не попадет.

- Факт, что-то случилось.

И уже входя в бухгалтерию, Иван услышал в дверях последнюю фразу:

- Может кража? ..

В большой комнате повисла гнетущая тишина. В ней явственно стали слышны шаги Ивана, и все разом повернулись к вошедшему. Но тут же опустили глаза. Однако на приветствие ответили.

Он обвел бухгалтерию взглядом. Женщины сбились стайкой около столов молодых счетоводов - Полосовой и Строкиной. Лишь за столом главбуха одинокой старой птицей, нахохлившись, сидел Викентий Лукич.

- Мне надо выписать алебастр, на складе ни крошки не осталось,- негромко сказал Иван, обращаясь к Аиде Прокофьевне.

Та секунду молчала и вдруг, вся передернувшись, выкрикнула ему в лицо:

- Ничего я вам не выпишу!-Запахнувшись в широкий серый шарф, она проскочила мимо него в открытую дверь.

Лицо Ивана потемнело. Он шагнул к главбуху:

- Мне нужен алебастр для ремонта!

Викентий Лукич посмотрел впереди себя отсутствующим взглядом, ответил деревянным голосом.

- Этим вопросом ведает Аида Прокофьевна. Когда комендант выходил из бухгалтерии, ему показалось, будто пол под ним качается ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРЕРВАННОЕ СЛЕДСТВИЕ

КРАЖА

Полковник Колосов находился в командиронке в одном из глубинных районов, когда ему сообщили о случившемся.

- Действуйте, не ожидая моего приезда,- сказал он в телефонную трубку и тут же вызвал своего шофера:- Коля, заводи. Срочно возвращаемся в город.

Однако по дороге им не повезло. Поднялся ветер, нагнал клубящиеся тучи, хлынул ливень. «Газик» мотало в грязи, как суденышко в шторм. На подъезде к небольшому селу у них оборвалась тяга рулевого управления. Пока Коля обегал село в поисках механизаторов, пока узнал, где можно отремонтировать, наступила ночь. Правда, ливень скоро стих, но в город они все равно смогли попасть лишь к рассвету. Непогода здорово задержала их.

Домой заезжать не имело смысла.

- В отдел,- кратко сказал Колосов.

Шофер кивнул, и через десять минут «газик» остановился перед городским отделом милиции. Отпустив машину, Колосов прошел в свой кабинет, сел за стол, потер рукой затылок, крикнул: «И-эх!» Затем, придирчиво оомотрев себя в маленькое карманное зеркальце, спрятал его и велел вызвать нужных - сотрудников.

Вскоре они сидели в его кабинете. Полковник обвел их взглядом. Все были хорошо знакомы ему. Вот начальник следственного отделения старший лейтенант Роев. Высокий, стриженный «ершиком», с умным и очень замкнутым лицом. Этот себе цену знает. Деловит и исполнительен. Неподалеку от него сидит на стуле бочком, ноги под себя, майор Толстикова, следователь. Скоро уйдет на пенсию. Весь он какой-то сонный, вяловатый, но это только кажется. Толстикова - старый волк, хватка у него крепкая. Только грубоват, грубоват ... А вот лейтенант Дубов. Тоже следователь. Всего два года, как пришел работать в отдел, окончил юридический институт. Молод, но толков, успел себя зарекомендовать. Этому можно доверить любое дело...

- Разрешите доложить, товарищ полковник?-
поднялся с места Роев.

- Докладывайте,- кивнул головой начальник милиции.

- В общих чертах суть дела такова. В университете из сейфа старшего кассира Сидоркиной похищена крупная сумма: Это зарплата преподавателей и стипендия студентов за июнь. О краже Сидоркина заявила вчера утром, лично явившись к дежурному милиции. На место происшествия срочно была отправлена группа в составе следователей майора Толстикова и лейтенанта Дубова, с ними - оперативник и эксперт по сейфам. Служебную собаку брать не сочли нужным: бесполезно, университет - место очень людное, следы затоптаны.

Осмотр помещения кассы ничего не дал. Замки двери (вход в кассу из бухгалтерии) и сейфа в полном порядке. На сейфе обнаружены только отпечатки пальцев кассира, а это ни о чем не говорит, кроме того, что преступник мог принять меры предосторожности. На полу тоже лишь следы кассира, которая утром подходила к сейфу.

Документальная ревизия показала, что бухгалтерский учет в полном порядке. Кстати, об этом же свидетельствует и заключение ревизии, произведенной по инициативе финорганов и законченной позавчера. По их, так сказать, вине деньги не были выплачены и в нарушение инструкции остались лежать в сейфе до следующего дня.

У следователей сложились определенные версии о личности преступника ...

- Вот и послушаем самих следователей,- остановил Роева полковник.- Начнем с Алексея Николаевича. Прошу,- повернулся Колосов к майору Толстикovu.

Тот гулко крикнул, прочищая горло, и заговорил:

- По-моему, товарищ полковник, дело не особо сложное.

- Полагаюсь на ваш большой опыт,- с ноткой иронии отозвался Колосов.- Но деньги еще не найдены, и о легкости дела судить рановато. Продолжайте, Алексей Николаевич.

- Хорошо,- согласился следователь.- Так... По свидетельству банка деньги были вручены Сидоркиной около одиннадцати часов утра позавчера, в четверг. Установлено, что она положила их в сейф, установлено также, что днем вынести их было невозможно. Значит, кража произошла несколько позднее - вечером или даже в ночь на пятницу.

Таковы предварительные выводы.

Преступник мог выйти только через главный ход, и вот почему. Я осмотрел все окна первого и второго этажей. Выбраться из здания через окна невозможно: они глухие, двух рамные и лишь вверху имеют для вентиляции ... ну, как их ... фрамуги, очень узкие. С третьего этажа прыгать - голову сломать ... Черный ход вахтер лично закрыл !В шесть вечера. Замок двери в полной сохранности - к моменту осмотра его еще не открывали, да и выйти бесшумно через этот ход преступник не мог, там вахтеру все слышно.

Вахтер мною допрошен. Старик не особенно разговорчив. Все его показания можно свести к следующему. Студенты уходили из здания весь вечер: библиотека до восьми работала, кто еще экзамены пересдавал, профком заседал и так далее. После студентов ,минут через десять-пятнадцать ушли рабочие, лабораторию они красили. В руках ничего не несли (вахтер за этим специально присматривает), кроме двух-трех сеток с остатками ужина.

Маляров я опрашивал на месте, по отдельности. Все как один утверждают, что весь вечер никто из лаборатории не отлучался больше чем на пять-шесть минут. Они из разных бригад, так что войти, так сказать, «в содружество» вряд ли успели - работают вместе всего три дня. Да и сама одежда маляра, грязная, обувь очень уж неподходящая для такой токой операции ... В общем эта версия, по-моему, отпадает.

После маляров, по показаниям вахтера, до утра никто больше не показывался, ничего он больше не видел и не слышал, но уверяет, что не спал. Раза три-четыре за ночь поднимался на второй этаж, но точное время назвать не может. Ничего подозрительного при обходах не заметил ...

- Как вы думаете, мог вахтер со своего места услы-

шать скрип двери бухгалтерии?-спросил внимательно слушавший Колосов, воспользовавшись паузой в докладе следователя.

- Хм... В пустом, тихом здании - пожалуй, да. Бухгалтерия довольно близко к парадной лестнице расположена. Конечно, если у старика хороший слух.

- Замок двери вы, конечно, осматривали. А скрипит она?

- Днем было шумно, товарищ полковник. Во всяком случае, сильно она не скрипит, я бы это заметил.

- Разрешите?- подался вперед лейтенант Дубов.

- Прошу.

- Шарниры двери хорошо смазаны, товарищ полковник. Даже масло наружу протекло.

- Что из этого следует?

Лейтенант немного подумал.

На мой взгляд, это еще ни о чем не говорит, если и все другие двери тоже смазаны. Но проверить этот момент я упустил из виду. Спешили мы очень ... А ваша мысль понятна: если преступник заранее готовился пойти «на дело» ночью, то должен был принять меры. Вряд ли он знал, какой слух у вахтера.

- В общем, уточнить эти детали не мешает,- попытожил Колосов.- Проверьте Алексей Николаевич. Толстиков откашлялся.

- Немного о вахтере. Показания он давал довольно неохотно, несмотря на мою настойчивость. У меня сложилось впечатление, что старик кое о чем умолчал. Подозревать его я не подозреваю, но поговорить с ним еще раз не мешает.

- Далее. Денежный сейф, по заключению экспертизы, был открыт ключом, а не отмычкой. Ключ от сейфа всегда хранится у старшего кассира Сидоркиной. Одно предположение о том, что с ключа был кем-то сделан

слепок, было разбито самой Сидоркиной . Когда я ей задал такой вопрос, она в первый момент согласилась со мной , но потом стала категорически отвергать эту версию. Она прямо заявила, что никогда и нигде не оставляла и не теряла своих ключей . Когда я стал подробно интересоваться, где она была вечером в день совершения хищения, то есть в четверг, она категорически отказалась отвечать. Мне кажется, это главное звено, за которое сей час следует взяться, и поэтому ...

- Простите, майор,-прервал Колосов.-А какая сумма была похищена в кассе?

- Двенадцать тысяч рублей .

- Осталось в кассе хоть что-нибудь?

- Сорок четыре рубля мелкой купюрой и много мелочи серебром.

- Интересно ... Вор-профессионал забрал бы и мелкую купюру. Особенно если дело происходило ночью спешить было некуда ... Или же это человек, для которого воровство - занятие необычное?

- Вот именно, Александр Петрович. Чувствуется, что кража произведена не профессионалом,- оживился Толстиков.

- Возможно, вы и правы,- в раздумье заметил Колосов, - может быть, действительно Сидоркина имела прямое или косвенное отношение к краже ...

- Обязательно. И только так , - Толстиков энергично встал. От его сонного вида не осталось и следа.-Её необходимо немедленно арестовать. Колосов поднял руку: - Подождите майор, не спешите. Вы уже давно порывались ,сделать такой вывод. Но окончательные выводы делать еще рано. Нужно всё проверить, тщательно проверить ... Ну, а что вы нам скажете?- обратился полковник к Дубову.- Какая вами проделана работа?

- Сделать удалось еще очень немного, товарищ полковник. Майор Толстиков поручил мне подробно изучить кассира Сидоркину. Этим я и занимался вчера. Сидоркина Лидия Николаевна - вдова, тридцати девяти лет, муж - майор Советской Армии, танкист, геройски погиб в 1944 году на фронте в районе Будапешта. От него осталась маленькая дочь. По специальности Сидоркина счетовод. Работала на кондитерской фабрике, в строительном тресте, потом перешла в университет. Замуж не вышла, хотя по словам дочери, предложения ей делали несколько человек.

- Вы успели даже с дочерью познакомиться? - удивленно спросил Колосов.

Дубов отрицательно качнул головой:

- Нину Сидоркину я знал еще раньше, товарищ полковник. С ней меня познакомил мой старый школьный товарищ Олег Кухарев. Он дружит с ней. Когда я просматривал личное дело Сидоркиной и узнал, что у нее есть двадцатилетняя дочь, сразу вспомнил о своем знакомстве. Но уверенности в том, что моя знакомая Нина Сидоркина - дочь Лидии Николаевны, у меня, естественно, не было. Навел справки -она. Это хорошая, развитая девушка, спортсменка, увлекается гимнастикой. Работает воспитательницей в детском саду № 14 по Московской улице. Учел это обстоятельство и пошел «невзначай» встречать свою знакомую с работы. Пришлось, конечно, притвориться, что ничего не знаю о случившемся. Она сама рассказала: мать очень переживает из-за кражи, но надеется, что деньги найдут. Очень осторожно попытался выяснить, где Лидия Николаевна была в четверг вечером, но девушка сразу замкнулась. Впрочем, я особенно и не настаивал: пока она не знает, где я работаю, и раскрывать это нецелесообразно.

Проводив девушку до дома, я решил побывать у них в квартире под предлогом, что хочу пить. Да и в самом деле хотелось. Она пригласила зайти. Как я и рассчитывал, Лидия Николаевна оказалась дома. Что-то не то шила, не то чинила. При нашем появлении она быстро с вернула свою работу и положила в шифоньер. Но я успел заметить, что это была мужская рубашка. Вначале не придавал этому значения, но после, когда шел домой, вспомнил о ней. Мужская рубашка - для кого? Почему она спрятала её и спрятала поспешно?

Всё это, конечно, интересные вопросы, но разрешить их пока не удалось ... Квартира у них небольшая, уютная. Состоит из двух маленьких комнат по 12-14 метров и кухни. Обставлена небогато, но со вкусом - чувствуется, что хозяева любят свой угол. Встретили очень хорошо. Пригласили на чай. Я отказался. Выпил воды и ушел ... У меня всё.

- Вот вы познакомились с семьей Сидоркиной. Как вы считаете, могла такая женщина совершить преступление?- опросил Колосов и внимательно посмотрел на Дубова.- Я попрошу вас дать оценку тем впечатлениям, которые сложились у вас в результате беседы.

Дубов посмотрел на Толстикова, потом на полковника, некоторое время покусывал губу, затем осторожно начал:

- Мне трудно сейчас ответить на этот вопрос. Ряд обстоятельств, о которых докладывал товарищ майор, дают основание её подозревать если не в совершении преступления, то в соучастии в нем. С другой стороны, она никак не похожа на человека с нечистой совестью. Вчера вечером при всем своем радушии она не могла скрыть чувства огорчения. Да, именно чувства огорчения случившийся. Но никакой настороженности в её поведении я не заметил.

Лейтенант умолк. Подполковник понял, что окончательного вывода молодой следователь делать не будет.

- Значит, вы склонны думать, что Сидоркина не имеет никакого отношения к преступлению?- подытожил Колосов.

- Скорее всего. Трудно подумать, что она участвовала в краже, а вчера просто хорошо сыграла роль,- развел руками лейтенант.

Подполковник сказал задумчиво:

- Ну, что ж... Вы, Дубов, продолжайте проверку версии о виновности Сидоркиной. Установите во что бы то ни стало владельца рубашки, которую чинила Сидоркина. Если она действительно совершила кражу, то у неё обязательно должен быть сообщник, а скорее все-го инициатор преступления. Сама она решиться на такой шаг едва ли смогла бы. Узнать, что это за человек, нужно быстро. Выясните, где она находилась вечера в день совершения кражи. Раз она скрывает - значит, имеет веские причины. Возможно, это существенно подвинет дело. Преступник мог просто воспользоваться женской доверчивостью. Абсолютно посторонний человек совершить такую кражу не мог ... Так, значит, вахтер ничего существенного вам не рассказал?- обратился Колосов к Толстикovu.

- Тяжелый он человек, товарищ полковник. Относится к той категории людей, которые придерживаются правила «моя хата с краю»,- в тоне майора прозвучала нота досады.

- Тогда придется мне самому поговорить с ним,- решительно сказал Колосов.- Пригласите его на завтра ко мне. Сами займитесь сбором сведений о нем и о всех работниках бухгалтерии: только они знали, что в сейфе хранится крупная сумма денег ... Обо всех собранных материалах сразу же информируйте.

НИТЬ ОБРЫВАЕТСЯ, НО ...

- Ну, что Шерлок Холме, обдумываешь очередной сверхтонкий ход?- с грубоватой ироцией спросил Толстиков, входя в кабинет Дубова. Кабинеты их были рядом, следователи довольно часто навещали друг друга.

- Приходится и думать,- суховато ответил Дубов, задетый «Холмсом». Но мысли тут же вернулись к делу.- Понимаешь, липовое положение создается. Самому мне к Сидоркиной идти нельзя: вчера отметился, а повторение нежелательно, даже очень. Послать оперативника, чтобы соседей опросил, тоже не выход: дом двух-этажный, жильцы наверняка о краже знают, а тут вдруг если милиция интересоваться начнет. Навредить можно людям ни за грош. Сплетни - они такое на человека повешают, что полжизни отмываться придется. Стыдно будет перед той же Сидоркиной, если она не виновата. А я вот просто сердцем чувствую, что это так ... Толстиков к этому времени уже прочно обосновался на диване и имел привычно полусонный вид. Когда его молодой коллега кончил, он приоткрыл один глаз по шире.

- Сентименты, сентименты ... «чуйства», как говорит Аркадий Райкин. А в общем - молодо-зелено, товарищ Дубов. - Майор открыл второй глаз, полез в карман, вытащил бумажку и показал её лейтенанту.- Вот. Ты видишь, что такое? Это заключение экспертизы о том, что сейф был открыт тем ключом, которым его обычно открывают. Иными словами, ключом Сидоркиной. Что ты на это скажешь?

«Ключ все время находился у Лидии Николаевны, она сама это подтвердила,- мелькнуло в голове у Дубова.- Значит ... Эх! Не может быть ... Или кто другой им воспользовался, а она не знала?»

- В нашем деле главное - факты и ещё раз факты, - продолжал, не дождавшись ответа, довольный Толстиков. - Найдешь их, найдешь и преступника. Он полностью вырисовывается на фоне фактических данных. А так он может и милым быть, - мне уж всяких доводилось выдывать, - и обстановочку скромную и со вкусом заводить, но появился факт, как говорится, упрямая вещь, и весь этот маскарад уже ни шиша нестоит.

В общем, Алексей Николаевич, ты хочешь сказать, что характер подозреваемого, его склонности, все окружающее не заслуживают внимания? - не выдержал Дубов.

Толстиков неопределенно хмыкнул.

- Видите ли, Коля ... Теоретически я с вами согласен. Всё это нужно. Практика призывает к другому. Мы должны найти престушника и передать его в суд. Это наша первейшая задача. По тому, как мы справимся с этой работой, судят о нас самих. А что из себя представляет тот или иной тип, так сказать, психологически, изучать лучше не на работе, а в свободное время, на досуге. Нарушил закон - понеси наказание прежде всего ... Ну, а если ты станешь поднимать всю сеть причин какого-нибудь преступления, пока будешь нянчиться с одним жуликом или бандитом да разбираться во всех тонкостях его психологии, то десять других такое отчебучат ...

- А если человек невиновен?

Толстиков пожевал губами.

- Извинишься задним чнслом - и только. Все мы люди и у нас ошибки бывают.

- Неприятно это - задним числом извиняться, - хмуро сказал Дубов.

- Что поделаешь? - вздохнул майор и снова принял сонный вид. - У нас, Коля, план. Как на производстве,

хоть и ненормированный. И его надо тянуть. До ста процентов раскрытых преступлений.

Лейтенант отвернулся к открытому окну, за которым еле слышно шелестели тополя. Помедлив, резюмировал:

- При большой спешке есть риск выполнить этот план и на сто десять ... за счет подозреваемых.

В кабинете некоторое время было тихо. Потом Толстиков решительно встал.

- Ну, вот что, Николай. Дебаты в сторону, хотя и остаюсь при своем мнении: лучше сто десять процентов, чем скажем, восемьдесят ... А сейчас займись Сидоркиной вплотную. Задание у тебя - яснее некуда. Я пойду в университет, мне еще там копать да копать ...

Майор направился к двери. Уже на пороге его настиг вопрос Дубова:

- Обожди секунду, Алексей Николаевич. Ты о данных экспертизы докладывал?

Толстиков приостановился. - Конечно.

- Ну и что шеф?

- Да что ... Велел вернуть на повторное заключение.

- Вот видишь!- несколько облегченно и с ноткой укора сказал Дубов.

- Не радуйся. Это ничего не изменит. Заключение будет прежним.

Дверь за Толстиковым закрылась. Лейтенант остался один. Разговор ему не понравился, но задание есть задание, и мысль снова переключилась на него.

На оперативника в этом случае полагаться не приходилось, значит, надо было идти самому. Явиться к Сидоркиной на квартиру и побеседовать с -нею откровенно, на прямую? Глупость. А что если она и в самом деле непосредственно замешана в краже! .. Поговорить с Ниной.

так, мол и так, положение можете спасти только вы, ради матери вы должны ... Нет, не подходит ...
Время приближалось к часу дня. Еле заметный ветерок, дувший с утра, теперь окончательно стих. Под палящими лучами солнца поникли широкие листья тополей. Даже воробьи, вечно возившиеся в кустах сирени, и те куда-то исчезли, пережидая жару. Одна из ветвей тополя почти прикасалась к верхнему наличнику, и тени листьев лежали на нагретом подоконнике. Дубов обвел одну из этих неподвижных теней красным карандашом и тут же, вытащив из стола резинку, принялся стирать контур. «Тьфу, черт, опять это мальчишество сказывается ... -проеслось в голове и сразу же механически подумалось:-Ну и жарница! Хоть бы какая плевая тучка навалилась, что ли ... »

Дубов старался думать о деле, насильно принуждал себя решать вопрос, а память подсказывала совсем другое: то как дождь хлестал в окна их класса во время последнего выпускного экзамена - веселый июньский дождь, то как он после экзамена потчевал мороженым толстушку из 10-го «Б», то как они после купания в речушке лежали на сыпучем, мелком песке с другом, Олегом Кухаревым ...

«Олег! Вот кто может выручить!- лихорадочно заработала мысль. Дубов сразу забыл и о жаре, и о свежей прохладной речке.- Если его попросить, он может сходить к Сидоркиным. Ведь это же в его, черт возьми интересах выяснить, что представляет из себя его будущая ... Э-э, как её, теща. Во имя дружбы и справедливого дела ... Нет, не должен отказать. Не должен».

Лейтенант быстро скинул надоевшие полуботинки («Чудо! И как раньше не догадался?!»), сунул ноги в легкие сандалеты, подумав, прихватил с собой парусиновую куртку и радостно щелкнул дверным ключом.

Домик, в котором жила семья Олега Кухарева, уто-пал в зелени. Плотной стеной обступали его огромные кусты жасмина и сирени, за ними почти не было видно невысоких окон с чисто вымытыми стеклами и резными наличниками. Над красной железной крышей поднималась труба, увенчанная жестяным прокопченным петухом. Петух когда-то, как помнил Николай, поворачивался на манер флюгера, но теперь он заржавел и застыл в одном положении, чуть свалившись набок. Да и сам дом тоже осел и как-то покосился. Весной и ранним летом воздух вечерами здесь был густо настоен на аромате цветущей сирени, а позднее-жасмина. Когда-то Николай, бывало, дня не пропускал, чтобы не побывать у друга. В саду за домом они играли, готовились к экзаменам, толковали, как водится, о девчонках ... Олег был его лучшим другом. А теперь вроде бы и не ссорились, а встречаются всё реже и реже. Странно получается, стоит переехать в другой район города, и дружба вроде бы меркнет. Много все-таки зависит от того, насколько часто люди встречаются.

Дубов взглянул на часы. Начало второго. Олег, наверное, еще на заводе, придется подождать ... Он толкнул знакомую калитку, прошел к крыльцу мимо окон, выходящих во двор. Навстречу ему из сада вышла мать Олега - пожилая дородная женщина.

- Ох ты, господи! Никак, Николай?

- Сколько лет, -сколько зим, Ольга Васильевна!

- Здравствуйте!

- Да где ж ты запропал? Раньше, бывало, палкой вас не разгонишь, а теперь - на тебе и носа не кажется.

- Работа, Ольга Васильевна, работа. Заела совсем,-развел руками Дубов.-Олега, наверно, нет? Не сообразил я как-то сразу ...

- Да в саду он. Во вторую смену ходит. Сын!

крикнула она, повернувшись в сторону сада.- Встречай гостя!

Из густых зарослей вишенника вылез заспанный Олег. Они крепко обнялись, похлопывая друг друга по спине.

- Ты что это дрыхнешь средь бела дня?

Олег махнул рукой, предложил:

- Пройдем-ка в сад ... Мама, готовь нам что-нибудь съестное. Лучше всего крошечки холодненькой.

- Да ладно уж, знаю,- отозвалась та.- В такую жару разве другое пойдет.

Они сели за низенький самодельный столик, врытый в землю под густой старой яблоней. Олег потер заспанные глаза, лицо у него приобрело озабоченное выражение.

- Слушай, Коля у меня неприятность большая. Почему и спал: чуть не до утра с Ниной по улице ходили, говорили. Тебе конечно, известно, что у её матери на работе крупная кража была?

Отказываться не имело смысла. Дубов кивнул:

- Знаю.

Вот и пришлось мне Нину успокаивать.

Обнадеживать-то я её обнадеживал: найдут мол вора, но ведь тут, сам понимаешь, дело сложное. Всё от вас зависит ...

Втайне Николай даже обрадовался, что друг в курсе событий. Это избавляло его от необходимости подготовительного разговора. Он решил идти напрямую.

- Видишь, Олег, какое дело ... Я не только знаю о краже, но и веду сейчас по ней следствие. Так что ты уж извини, но именно поэтому я и пришел. Ты можешь мне здорово помочь.

Остатки сна улетучились из глаз Олега. Широко открыв их, он внимательно смотрел на Николая, ждал, что тот скажет дальше.

- В общих чертах: на Лидию Николаевну падает подозрение, что она причастна в какой-то мере к преступлению ... Я тебя хорошо знаю,- отговорился он,- и думаю, ты понимаешь, это должно остаться между нами. Дубов замолчал, выжидая.

- Понимаю,- подтвердил Олег. Потом откинул светлую челку, падавшую на лоб.- Можешь быть уверен во мне, как в себе. Ну?

- Так вот. Моя точка зрения: сама она кражи не совершала, просто у неё абсолютно никаких данных для этого нет ... Но её, скажем, простодушием или неосторожностью мог воспользоваться кто-нибудь другой - возможно, близкий к ней человек. Тут уж я прошу тебя: может, знаешь круг её знакомств? Для следствия и, в частности, для тебя лично это имеет большое значение. Ведь ты, по-моему, имеешь серьезные виды на Нину?

Олег долго и сосредоточенно думал. Потом осведомился:

- Надеюсь, люди не пострадают от того, что я назову их тебе? - Если невиновны, разумеется.

Друг понимающе «угукнул» и рассказал всё, что знал о знакомых Лидии Николаевны.

Дубов внимательно выслушал, сказал задумчиво:

- Значит, все знакомые её мужчины - это мужья её подруг. Тогда, кому же она может шить или чинить рубашки? Ведь она не портниха, чтобы шить на заказ!

- Что ты на это скажешь?

Олег отвел глаза. После паузы ответил:

- Понимаешь, в чем дело ... Неудобно как-то выдавать чужую тайну, да и сдается мне, что ничем это тебе не поможет ... Но ладно. В общем, Нина мне рассказала по секрету, что мать её дружит с преподавателем университета Залесных . Он холостяк, связаны они уже

много лет... предложение Лидии Николаевне делал, по словам Нины, и не раз, а та не соглашается ... Из-за дочери, наверно, я так думаю... Как его зовут, не знаю, но это ты и сам сможешь узнать, если тебе интересно. Он на кафедре физкультуры работает. Встречаются они раз в неделю, по четвергам, я это потому знаю, что часто Нина меня к себе приглашает в этот день - матери дома, -как правило, не оказывается. А в остальные дни она всегда дома. Ясно?

... Толстиков сидел за столом, разглядывая свои красные мясистые пальцы. Завидев входящего в кабинет Дубова, привычно прикрыл глаза:

- Ну?

Дубов бросил куртку на диван, налил в стакан воды, выпил.

Вот так: версия Сидоркиной провалилась. Толстиков приоткрыл глаз.

- Возможно,-протяжно произнес он.- Что добыл? Дубов сел на диван, положил ногу на ногу.

Сидоркина в четверг была у преподавателя физкультуры Залесного. Связь тайная, но давным-давно известная. Не нам, конечно. Живет отлично: двухкомнатная квартира, холостяк, доход приличный. Характеристика: не жаден, не пьет, живет один, сдержан. Жена умерла пять лет назад. С тех пор ни с кем, кроме Лидии Николаевны, не замечен.

- А рубашка какого размера?

- Пятьдесят второго. С плеча Залесного.

Майор повертел большими пальцами. Причмокнул губами - сладко, как во сне. Сказал, раздумывая:

- Эта рубашка еще к одному плечу подходит.

Проверял я сегодня смазку дверей и могу тебе задачку подкинуть. Шарниры дверей во всем здании давно не смазывались, а вот в бухгалтерии и у коменданта глав-

ного корпуса - фамилия его Вихрастов - смазаны. Обрати внимание: смазка идентичная. Особое масло ... А Вихрастов отсидел три года за кражу. Недавно вышел. Однако ... комендант. Как? Подойдет рубашка? Дубов долго качал ногой.

- Не верится. Связи не вижу.

Но Вихрастова придется проверить. Кстати, и все работники бухгалтерии указывают на него. Займись: Иван Никифорович Вихрастов. Вот адрес,- майор вырвал страничку из записной книжки и протянул ее Дубову.- Главное: существует ли связь Сидоркина -Вихрастов.

Толстиков снова принял сонный вид, только большие пальцы рук медленно вращались один вокруг другого. За окном вечерний ветерок шевельнул листья тополя, они зашелестели.

ОГОНЬ ПО СВОИМ

Зазвонил телефон. Полковник Колосов, просматривавший корреспонденцию, поднял трубку.

- Товарищ полковник,- послышался голос майора Толстикова,- пришел университетский вахтер. Вы хотели поговорить с ним.

- Проводите его ко мне,- ответил полковник и начал убирать документы со стола в сейф.

... В дверь постучали. За майором вошел небольшого роста старичок с редкими седыми волосами, в старом, но опрятном костюме черного цвета и коричневой рубашке. В руках он держал серую кепку, которая в этот момент ему очень мешала, и старик непрерывно перекидывал ее из одной руки в другую. На вид ему было уже лет под семьдесят.

- Проходите, проходите, отец, не стесняйтесь,-

Колосов встал и вышел из-за стола. - А вы, Алексей Николаевич, можете идти, мы здесь вдвоем потолкуем. Старик, прихрамывая, прошел вперед.

- Ну, давайте познакомимся,-сказал полковник, протягивая ему руку.- Ваше имя, какжется, Яков Сидорович? Мое-Александр Петрович. Садитесь, пожалуйста.

Колосов усадил посетителя в мягкое кожаное кресло перед столом, сам опустился в кресло напротив. Вахтер, видимо, не ожидал такого приема. Чувствовалось, что он несколько растерялся: заметно дрожащие пальцы выдавали его волнение. Но он старательно скрывал свое состояние за безразлчным, намеренно спокойным видом.

- Ногу-то, наверно, на фронте повредили?-спросил полковник, давая возможность собеседнику привыкнуть к обстановке.

- На ней. Да это еще в первую мировую, на германском ...

- Отцу моему после первой мировой тоже пришлось из строевых выбыть. Потерял от газа половину легких, приобрел - Георгия,- сказал Колосов.

- Оно и я ведь - кавалер Георгиевского креста,-старик збодрился, глаза его потеплели. Неожиданно он вздохнул и, прищурившись, начал неспешный рассказ, как бы подчеркивая наклоном головы некоторые особенно важные фразы:-Мешала нашим позициям одна деревенька, занятая немцем. Очень мешала. Как заноза в ступне. Коли мешает- надо удалить. Было приказано сделать это нашей роте. Вот с рассвета мы и поднялись. И так хорошо у нас получилось: быстро и почти без шума. Заняли деревеньку и ждем. А наши-то, видно, не разобрались, или помог кто не разобраться,-посчитали, что у нас не получилось ничего,- взяли да и

лупанули по деревеньке со всех батарей. Значит, по своим. Хорошо лупанули. После, конечно, нам всем по Георгию дали, только немного их потребовалось ... Там вот и ногу задело.

Старик мгновение помолчал, как бы размышляя, стоит ли продолжать, но потом все-таки добавил:

- А крест до сих пор храню: как амулет- чтоб свои не били,- он склонил голову набок и с открытой простоватостью посмотрел прямо в глаза Колосову.

«Ох, ты какой! Молодец!»- мелькнуло в голове у полковника. Он понимающе улыбнулся и спросил:

- Ну, а с деревней что?

- Опять пруссаки заняли,-флегматично ,ответил старик и привычно наклонил голову. Колосов подвинулся к вахтеру.

- Да, Яков Сидорович, много такого бывало и тогда, и в более поздние времена. Бывало, но не должно больше быть. Короче, вы должны нам помочь, Яков Сидорович. Человек вы поживший, опытный и важность момента, я полагаю, понимаете. Теперь, с вашего позволения, перейдем к делу ... Обстоятельства вам, полагаю, известны, так что не будем терять времени.

Эти слова явно пришлись старику по душе. Он даже выпрямился и с готовностью, как бы извинясь за предыдущий суховатый тон, быстро заговорил:

- Да я всегда от всего сердца рад. Ежели чем могу помочь, посчитаю за честь. Нам, старикам, справедливость дороже всего.

- Вот и прекрасно. Припомните, пожалуйста,-только получше припомните,- что вы делали в тот день, когда была совершена кража, с кем встречались, разговаривали, особенно -кто в конце рабочего дня входил или выходил из университета. Не заметили ли вы чего-нибудь подозрительного?

Вахтер, окончательно успокоившись, свободно положил кепку на стол, уселся поудобнее, спросил разрешения закурить. Пыхнув дымком, начал:

- Понятно. Что я делал в тот день? .. Сменщик один у нас в отпуске, так что я за двоих дежурю. Посему вернулся я утром домой, дров старухе наколот для плиты, два ведра воды принес, чтоб не ворчала. Позавтракал - и на боковую: в четыре снова на смену заступать.

Старик рассказывал не спеша. Колосов его не перебивал мерно кивал седой головой, внимательно слушал. Вахтер добрался, наконец, до самой сути. Полковник насторожился.

- ... И вот ушли эти самые маляры ... - Старик замолчал. Потом долго поглядывал на начальника милиции из-под густых, нависших над глазами бровей. Неожиданно спросил:- Извините, Александр Петрович, а вот этот товарищ, что меня сюда привел, часом не в начальниках ходит?

- Майор Толстиков? Да нет, не в особых. Он старший следователь. А что?

Вахтер ломялся.

- Да как сказать ... Нерасполагающий какой-то человек. Больно уж настырный. Вот так возьми да всё ему и выложи.- Старик внимательно посмотрел на Колосова, поднял тонкий сухой палец:- Главного он не берет во внимание: душу человеческую тоже в учет надо принимать. Так-то ... Не сказал я ему, а тебе, Александр Петрович, скажу. Последним из университета в тот день ушел комендант наш, Вихрастов Иван Никифорович. А промолчал я вот почему. Судимый он. За кражу какую-то сидел. Но я вот и нюхом, и духом, что называется, чую, что парень тут ни при чем. Душевный он, простой. Опять же: и работает, и в школе вечерней учится. На такое не каждый способен. Семья у него все-таки ...

Потолковать вам с ним не мешает. Может, он что и делал и слышал в тот вечер.

Полковник записал на листке фамилию Вихрастова, переспросил имя и отчество. Припомнив, сказал:

- Знаю я этого парня, на работу хотели мы его устроить ... Комендантом, говоришь, работает, Яков Сидорович? Н-да ... А во сколько же он ушел с работы?

Да минут через пятнадцать после маляров. И в руках ничего не было?

- Нет. Это я хорошо помню. Посидел он еще со мной, закурить дал, поговорили с ним. Радовался, что в другой класс перешел... Потом домой заторопился: Жена, сказал, заждалась, наверно.

- Ну, а как он выглядел? Спокойный был?

Вахтер покачал головой:

- Значит, подозреваешь его все-таки, Александр Петрович?- он вздохнул.- Вот этого-то я и боялся ...

- Наше дело такое, Яков Сидорович,- прямо ответил Колосов.- Проверять приходится многих, чтобы найти, кого нужно. Да ты не беспокойся- безвинный не пострадает,-успокоил он старика.

- Дай бог, как говорили в старину... Выглядел-то Иван Никифорович нормально. Спокойный был. Он завсегда такой. Характер у него неторопливый.

Полковник задал еще несколько вопросов и отпустил вахтера. Прощаясь, тот напомнил:

- Очень я тебя, Александр Петрович, прошу: смотри, чтобы огня по своим не получилось.

- Итак, на горизонте появилась новая фигура: комендант университета...

Колосов приостановился, обдумывая мысль.

- Вихрастов, товарищ полковник?- быстро опередил майор Толстиков.

- Совершенно верно,- подтвердил Колосов.

Поинтересовался:- А ты откуда знаешь, Алексей Николаевич?

Следователь подробно рассказал о работе, проведенной за день.

- Что ж, и это урожай,- подвел итог полковник.-А я о Вихрастове услышал от твоего вахтера. Плохо ты с ним поговорил, в общем, что-то в обиде на тебя старик, Алексей Николаевич!

Толстиков потупился, прикрыл глаза.

- Да очень уж он неразговорчивый. Так, нес все разную ерунду ... ну, а я поторапливал, время не терпит.

Колосов нахмурился.

- Не тебя учить, Алексей Николаевич. Но поторапливать надо умеючи, да и не всякого. Повнимательней будь к людям, поменьше о пенсии вспоминай ... Рановато ты начал о легкой жизни думать,- жестко заключил полковник.

Майор виновато выпрямился на стуле, но глаз не поднимал. Походив по кабинету, Колосов сел за стол.

- Ладно, выводы сделаешь ... Теперь давай-ка наметим план действий на ближайшие дни.

И ВДРУГ ...

Комендант учебного корпуса Никитин оказался совсем не таким, каким представлял его Дубов. Это был сутуловатый, высокого роста человек с впалой грудью. Говорил он тихо, внимательно прислушивался к собеседнику. Дубов чувствовал себя неловко.

- Так вы давно знаете Вихрастова?

- Нет. С тех пор, как он к нам поступил. Меньше года.
- Ничем таким... особенным он не привлекал вашего внимания?
- Обыкновенный парень. Правда, излишне старательный, я бы сказал, будто угодить хочет. А в общем ничего, с таким работать можно.
- Следователь подошел с другой стороны.
- Семейю его знаете?
- Нет. Не ровесники.
- Так ... О судимости его слышали?
- Слухи ходят. Сам не проверял - ни к чему, если человек старательно работает ... Могу даже прибавить: Приходил он однажды к Троицкому, попросил разрешения

взять немного алебастра, цемента и извести -
ремонтировался. Тот, конечно, разрешил. Другой на его
месте спрашивать бы не стал, и без того все под рукой.
Прежние коменданты с такими просьбами не заходили.-
Никитин положил на стол руки с длинными узловатыми
пальцами, потрогал чернильницу.- В общем, товарищ
следователь, о Вихрастове ничего больше сказать не могу.
Если уж по-честному - как бы лишнего не наговорить на
человека.- Он встал, и Дубов понял, что разговор лучше
кончить.

Они пошли по пустому гулкому коридору,
запачканному известкой. «Надо посмотреть и на главное
действующее лицо», - подумал Дубов.

- Вы не могли бы показать мне этого Вихростова издали так, чтобы он сам не видел?

- Это можно. Вон, во дворе.

Никитин указал в окно. Перед раскрытыми дверями склада двое рабочих лениво сгружали с машины бумажные мешки с цементом. Третий, одетый в простецкие брюки и серую рубашку с расстегнутым воротом, помогал им: подхватывал мешки и укладывал в штабель. Лица этого человека лейтенант издали не рассмотрел. «Пятьдесят второго размера дядя,- вспомнил он слова майора Толстикова.- Пожалуй, мой старик не ошибся ... » Вслух сказал:

- О чем говорили, пусть останется между нами. Пока, извините, не прощаюсь. Возможно, придется и встретиться.

- Ваше дело такое,- осторожно отозвался комендант.- Мне что - можно идти?

- Да, уж извините за беспокойство!

Дубов долго ходил по коридору, сторонясь забрызганных известкой стен, поглядывал в окна. Взгляд его неизменно приковывала одна фигура. Вот разгрузка окончилась. Рабочие в кузове машины присели на борта покурить. Тот, за которым наблюдал лейтенант, подошел к шоферу, отметил ему какую-то бумажку. Дубов усмехнулся: нюх не обманул, третий и есть комендант.

Надо действовать. Но- как? Кто еще может прибавить слово-другое к характеристике Вихростова? Весь корпус пуст, рано еще, людей почти нет. Как в Сахаре ...

Взгляд Дубова снова упал за окно. Автомашина ушла. Комендант закрыл двери оклада, сел в тени на бревно, закурил. Лейтенант прищурился, долго и внимательно изучал фигуру Вихростова. «А что если ... Нет нельзя,- отмахнулся он мысленно. И тут же возразил себе:- Но ведь вызывать придется все равно!»

Долго изучал Дубов сидящего внизу человека. Для удобства наблюдения он спустился с четвертого этажа на второй. Комендант не уходил, а только вытянул из пачки новую папиросу и опять закурил. Утро стояло солнечное и тихое, и дым синеватым облачком витал над его головой. Поза у Вихрастова была спокойная, движения неторопливы; он несколько горбился, оперев руки в колени, иногда сплевывал на траву под ногами.

А следователь вспомнил его «личное дело», все, что успел услышать о коменданте в минувшие два дня. «И все-таки этому человеку с его прошлым и настоящим вряд ли захотелось бы пойти на преступление. Тем более в одиночку. А связей у него, судя по всему, нет ... хотя вообще-то чем черт не шутит!»

По лестнице наверх, на третий этаж, с шумом прошла группа студентов. Там находился комитет комсомола - это Дубов по привычке отметил еще в свой первый приход. Следователь улыбнулся. Давно ли он сам вот так приходил в комитет юридического института после экзаменов! Вручали путевку, а то просто заносили в список - и айда на целину, строить или урожай убирать. Теперь у него жизнь совсем другая. И никогда уже не станет он студенчески беззаботным ...

Но прочь посторонние мысли. Думать надо вон о том человеке, чья судьба сейчас в его руках.

Улик против Вихрастова нет. К Сидоркиной, насколько удалось установить, отношение он имеет не большее, чем все другие административно-хозяйственные работники главного корпуса. Значит ... пришла пора побеседовать с ним лично.

Следователь решительно направился по коридору к лестнице, спустился вниз, повернул к черному ходу, намереваясь выйти во двор университета, и в самых дверях столкнулся с комендантом.

- А, Иван Никифорович!

Вихрастов недоуменно и настороженно окинул следователя взглядом.

- Ну, я. По какому делу? Кажется, незнакомы ... Сейчас познакомимся,- улыбнулся Дубов.- Мне надо с вами поговорить, Иван Никифорович. Местечко у вас найдется где это сделать ?

Комендант еле заметно пожал плечами и ни слова не говоря, пошел вперед. «В свой кабинет»,- определил Дубов и не ошибся.

Дверь кабинета открылась бесшумно. Отметив для себя эту деталь, лейтенант, сделав вид, что замешкался, пропустил Вихрастова вперед, быстрым взглядом окинул обстановку. Четыре фанерных шкафа, стол, два стула, тумбочка в углу и все.

Комендант сел на свое место, выжидательно поднял глаза. Пора было знакомиться.

- Следователь горотдела милиции Дубов,- представился лейтенант.- Себя можете не называть.- Собираясь с мыслями, он сделал паузу.

- А документ у вас есть?- неожиданно спросил Вихрастов.

- Ишь, какой недоверчивый,- простодушно улыбнулся Дубов, стараясь расположить к себе коменданта.- Вот, пожалуйста, мое удостоверение. Вихрастов долго и угрюмо изучал документ, потом вернул.

- Все правильно. Следователь, значит? .. Давно мне не доводилось с вашим братом встречаться ... По поводу кражи нашей, университетской, пришли ?

- Совершенно верно. По поводу денежной кражи. И в связи с этим, Иван Никифорович, мне нужно задать вам несколько вопросов. Однако, честно говоря, я предпочел бы сделать это не в вашем кабинете, а в своем.

Можете вы выкроите с часок для беседы, чтобы нам туда дойти? Тут недалеко.

Камендант горько усмехнулся.

- Да я знаю, что туда недалеко. А уж вот оттуда ... Не стоит время терять. Идемте за этими деньгами.- Вихрастов произнес это тоном бесконечно уставшего человека.

- За какими деньгами?- быстро спросил Дубов, чувствуя, что брови у него ползут сами собою вверх.

- За всеми, какие украдены, наверно.

- М-много их там?- даже заикнулся лейтенант.

- Много,- кратко и мрачно ответил комендант.-

- Не считал.

Толстикова, которого Дубов вызвал по телефону, приехал через несколько минут.

- Ну, вот,-сказал комендант.- Теперь, видно, все в сборе. Идемте ... Только, извините, я молоток возьму. Руками там ничего не сделать.

-Далеко это?- поинтересовался .. лейтенант.

-Здесь, на четвертом этаже.

Следователи переглянулись.

-Ясно,- кивнул Дубов.

-А молоточек дай сюда,- попросил невозмутимо Толстикова.- Я его сам понесу.-Получив молоток, завернул его в газету, деловито добавил:- Еще парочку понятых нужно.

Они зашли в учебный корпус за Никитиным, потом прихватили с собой попавшуюся навстречу молоденькую библиотекаряшу, поднялись на четвертый этаж.

- Вот, надо открыть,- остановился Вихрастов перед забитой толстыми гвоздями дверью.- Тут уборная была раньше. Теперь на ремонте.

Толстикова протянул ему молоток:

- Работай.

Иван, усмехнувшись, взял инструмент.

Через минуту дверь была открыта. Все зашли внутрь.

Командант подкатил к стене бочонок с известкой, прикрыл доской и влез на него. Потом, дотянувшись до вентиляционной решетки, снял ее, сунул руку за поворот трубы и вытащил оттуда небольшой грязноватый мешок.

- Вот и всё.- И отдал мешок Толстикову.

Щеку коменданта дергал нервный тик, и от этого лицо его странно кривилось, будто он вот-вот собирался заплакать.

В кабинете коменданта разложили на столе множество разноцветных денежных пачек. Все стояли молча, лишь Толстикова, фундаментально устроившись на стуле, монотонно считал, аккуратно надрезая облатки:

- ... двадцать один, двадцать два, двадцать три ... сорок шесть, сорок семь, восемьдесят один ... девяносто девять, сто. Правильно. Кладем сто пятерок.- Он щелкал счетами и надрезал следующую пачку.

Потом оформили протокол изъятия. Дубов писал, а Толстикова диктовал, расхаживая по кабинету:

- « ... в присутствии понятых ... укажи фамилии, имя, отчество ... заявил, что предъявляет добровольно деньги в сумме двенадцати тысяч рублей ... »

Когда официальная часть была закончена, майор обратился к присутствующим:

- Все свободны, а вам, гражданин Вихрастов, придется поехать с нами.

- Я и не сомневался,- ответил комендант. Он уже , заметно успокоился.

В коридоре библиотекарша, поравнявшись с ним, не выдержала:

- А я так верила, товарищ Вихрастов, что вы стали честным человеком!

Он покосился на светлую голубоглазую девушку, но ничего не сказал.

ДОПРОС

Толстиков явился в кабинет спустя минут пять, протянул записку: «Понятых на всякий случай предупредил, чтобы не распространялись». Дубов кивнул- ясно. Майор опустился на диван и привычно полузакрыв глаза. Это означало, что протокол придется вести Дубову. Лейтенант поморщился, но с тайным вздохом все-таки полез в ящик стола, извлек пачку синеватой бумаги и разложил перед собой. Покосившись на окно, около которого устроился с его разрешения Вихрастов, подумал, что хорошо бы закончить снятие показаний до обеда. А то позднее июньское солнце опять накалит небольшое помещение, и кабинет обратится в чертово пекло. Он перевел взгляд на Вихрастова. Тот безотрывно смотрел в густую листву тополя. Лицо его выражало полное безразличие. Лейтенанту это не понравилось. Он решительно придвинул к себе чистый лист бумаги, вынул авторучку.

Начнем. Ваши фамилия, имя, отчество?

Да вам все известно,- отозвался Вихрастов.- Год рождения тысяча девятьсот тридцать седьмой, родился здесь, в городе, рос на Урале, потом вернулся, сирота. Женат. До последнего времени работал комендантом в университете и так далее ... Ишь ты, какой пряткий!- беззлобно подал голос с дивана Толстиков.- У нас так не делается. Ты уж давай по порядку, как положено. Обученный ведь, знаешь, не впервой тебе.

«Благодушествует,- с неприязнью подумал лейтенант.- Конечно, что ему теперь: деньги в сейфе, остальное не уйдет... А зря он насчет прошлого ему намекнул».

- Что ж, спрашивайте, а я отвечать буду,- равнодушно сказал Вихрастов.- Все равно ведь захомутаете ...

- Вот что, -прервал его Дубов,-петь панихиду рано, Иван Никифорович, или Иван, если хочешь, ты еще молодой. Виноват-ответишь, не виноват -ничего с тобой не случится. Еще спасибо скажешь. Так что оставим пока твою биографию, и начинай сразу по порядку. Где ты был в день кражи?

Деловой тон лейтенанта возымел действие. Вихрастов начал рассказывать:

- Когда была кража, я не знаю. Знаю только, что утром в пятницу пропажу обнаружила Лидия Николаевна, наш старший кассир. А знаю потому, что с тех пор все на меня как на зачумленного смотрят. И вам на меня не зря указали - все уверены, что это я украл деньги из сейфа.

- А почему ты в четверг вечером самый последний с работы уходил? - тихо спросил Толстик.- Ты ведь здорово тогда задержался после всех.

- И вовсе не здорово. Весь день я на людях был, это вам подтвердят. К вечеру - с малярами. Там, в лаборатории, где они работали, шкафы стоят с дорогими приборами, так что приходилось присматривать.

- Допустим, так,- кивнул Толстик.- Но за чем ты присматривал после того, как маляры ушли? Или проверял - не осталось ли кого?

- Зачем мне было проверять? - усмехнулся Вихрастов.- Это дело не мое. Запер я лабораторию, вниз спустился, к себе в кабинет. У маляров краска кончалась.

так чтобы не забыть утром, я требование выписал и на краску, и на белила. И на олифу еще. Потом домой пошел.

- И никуда не сворачивал по дороге?

- Никуда. Да и поздно уже было. Точно не знаю, но часов, вроде, десять, а может, и больше.

- Пришел домой и ...

- Поужинал и спать лег.

- А утром?

- Утром? .. - Вихрастов замолчал.

Дубову, который сидел к нему лицом, показалось, что глаза у Вихрастова затуманились. Но, видимо, это только показалось.

- Утром, как всегда, пришел на работу. А там кража. И все знают, что я срок отбывал за кражу. Так чего тут вора искать - на меня-чуть не пальцем показывают.

- Поэтому ты и решил деньги вернуть? - подался вперед Толстиков.

- Нет, не поэтому,- зло сказал Вихрастов, повернувшись к майору.- Не знаю, как вас зовут, только с провокацией ко мне не лезьте! Посадите, черт с вами. Ясно? Но уж я сначала расскажу, как дело было, а вы потом разбирайтесь и говорите все, что вам угодно!

- Без нервов, Иван, без нервов,- успокоительно постучал ручкой по столу Дубов, укоризненно взглянув на майора.- Давай, рассказывай, как к тебе попали деньги. Только поподробнее. Больше тебя перебивать не будем. Начинай с самого интересного, на твой выбор. А мы - молчок,- он покосился в сторону дивана.

- Ладно.- Вихрастов посмотрел на зеленые листья за окном, нехотя повернулся снова лицом к Дубову. Опустил глаза, раздумывая, потом снова поднял их на следователя.

- В общем, так было дело ... Денег я этих не крал, и

никто их мне на тарелочке не приносил. Это вы запишите ... Только тут еще немножко и о себе сказать надо сначала ...

- Давай, давай,- подбодрил лейтенант.- Мы не спешим.- Он демонстративно отложил ручку в сторону. Толстиков поерзал на диване, но промолчал. Дубов оценил это.

- Знаете,- медленно подбирая слова, начал Вихрастов,- случается, бегают по деревенской улице собака -и никто ее не трогает: своя, на этой улице у кого-то живет. И вдруг смотрят - чужая заявилась. В такую и камнем бросить не грех, а то и палкой огреть по хребту. А уж если у кого курица пропала, то никто не сомневается: эта самая собака и утащила. Тут ей совсем плохо приходится, хоть она и не виновата.

Так попал я в положение этой собаки. Как ни прихожу на работу, даже разговаривают со мной еле-еле. От и до, как говорится. Ну что мне остается делать? Только и ждать: вот-вот милиция за мной заявится. Ждал я и в пятницу уже, и в субботу, и в воскресенье. А все нет. В понедельник прихожу на работу снова. Опять, как на волка, смотрят ... Да хуже, чем на волка. Того хоть за силу уважают. И тут взяла меня злость. Ну, думаю, в гробу я всех вас видел! Плевать, уйду с работы - и все, чем такая наука. А понадоблюсь милиции - она меня всегда найдет: из города я не сбегу ...

Сел даже заявление в отдел кадров писать. И тут-то и случилось ... - Вихрастов помолчал, развел руками.-Как хотите, понимайте, но не люблю я мусор после себя оставлять, С детства приучен так. Обвел я тогда взглядом свой кабинетик. Ремонт корпуса все занимался, порядок везде наводил, а у себя - пылищи целый воз. Накопил. Отложил я заявление. Принес тряпку, стал прибираться: ведь после меня другой человек придет.

-Вытер я пыль с окна, заглянул и на шкаф. Там папки толстые архивные лежат со времен царя Гороха. Одну стопку протер, другую. Вы пишете, товарищ следователь, сейчас самое дело будет ... Взялся за третью, отодвинул чуть-чуть - сумка какая-то ... Да вы ее в свой сейф положили, видели. Так вот она самая. И вид у нее совсем свежий, что меня удивило. Ведь в мой кабинет никто, кроме меня, не ходит, а при мне никто ничего не клал. Вот и открыл я сумку, заглянул, а там - деньги, каких я и жизнь не видел.

Вихрастов остановился, попросил разрешения выпить из графина, потом, вытерев платком лицо, продолжил:

Понял я сразу, что это за деньги. Кто украл, тот их там и спрятал. Расчет хитрый: пока сыр-бор горит, никто их там искать не догадается, а после за ними придти можно. А если меня заподозрят, опять-таки обыск дома будут делать, а не на работе. И уж в любом случае дело мне можно пришить. И вот, чтобы эти деньги вору не достались, сунул я их вместе с сумкой, не считая, - слово даю, даже не считал! - в грязный этот мешок, мешок - в бочонок из-под извести и отнес туда, куда видели. Мучился я после этого немало. Ведь отдать вам - сесть снова. Ну, чём я докажу, что не крал этих денег? Небось, вы вот меня слушаете, а сами думаете: врешь мол, голубчик, - тысячи с неба в руки не падают. Факт?

Факт.

Следователи промолчали. Вихрастов продолжал: А не отдать денег - совесть не позволяет. Да если б и все хорошо обошлось, не взяли бы вы меня - все равно не принесли бы мне эти деньги счастья. У меня счастье другое ... Вихрастов умолк и помрачнел. Добавил тихо:

- Я ведь понимаю: не придет вор за деньгами - они

как улика против меня будут. Чем я докажу, что не крал? А его только уж нет! Напугался он. И не придет. Я подумывал сам на него засаду устроить, да только все напрасно.

Когда Вихрастов расписался под своими показаниями, Дубов предложил ему посидеть в коридоре.

- Как бы не сбежал. Любишь ты рисковать, Николай!- озабоченно сказал Толстиков.

- Бежать ему ни к чему. И если на то пошло - ему в тысячу раз было выгоднее скрыться раньше.

- Ладно, давай к делу. Ты веришь в эту версию? Лейтенант некоторое время безучастно вертел ручку, словно вопрос его совершенно не касался. Однако ответ прозвучал твердо:

- Да, конечно, детали он мог и приукрасить, добавил кое-где «чувства», как ты, Алексей Николаевич, любишь выражаться, но в целом он, по-моему, рассказал все честно.

- Где гарантия? Мог и сочинить!
Дубов хмыкнул.

- А вот в это уже не верится.

- Ну, ты как хочешь.- Толстиков легко встал с дивана.- Надо его задержать, хотя бы временно. Ведь преступник неизвестен ... Я пишу постановление на арест, ты идешь к прокурору за визой. Разделение труда. Затем я сообщаю по месту работы, что он задержан по поводу хищения денег. Ход тебе ясен? Затем вызываю оперативников, вечером организую засаду. Жду три-четыре дня, и если за это время на горизонте никого не оказывается, значит этот парень врал.

Выйдя из-за стола, Дубов заложил руки за спину и принялся крупными шагами мерить кабинет из угла в

угол. Потом, остановившись перед Толстикovým, потер ладонью лоб, сказал задумчиво:

-Только вот в чем дело, Алексей Николаевич ... Если мы задержим настоящего вора, стыдно нам будет перед...
-он кивнул головой в сторону коридора, где ожидал Вихрастов.

-Чудак ты, Коля,-потрепал его по плечу Толстикóв.- Мальчик. Это же в любом случае в интересах дела! Иначе вор может не прийти, будет отсиживаться в кустах. Лейтенант поморщился.

- Дело делом, но мне не хочется оказаться свиньей. Так что дай-ка мне его, Алексей Николаевич, так ска-зать, на поруки. Слух об аресте мы распространим. А Вихрастова я в закрытой машине увезу в район к знакомым. Пусть там поживет деньков пять. Идет?

Брови у Толстикóва поползли вверх, сминая мясистый лоб в жирные складки, из горла вырвались булькающие звуки: майор смеялся. Потом, неожиданно по-серьезнев, спросил:

- Берешь на себя полную ответственность?

- Ага.

- И полковнику так скажешь?

Дубов утвердительно кивнул:

- И полковнику так скажу.

Хм ... хм ... Идет, Коля. Занимайся своей - как её? - филантропией. Иди к Колосову и проси выдать тебе этого рецидива на перевоспитание. А я его пока покараулю ... То-то будет смеху, когда он сопрет что-нибудь у твоих знакомых и смоеется!

Лейтенант ткнул пальцем в сейф:

- Эти деньги, что у нас в шкафу, «спереть» ему было куда выгоднее, но тем не менее он их вернул ... Э, да о чем тут говорить!

БУРНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Он начал с ходу:

- Я, как честный советский гражданин, возмущен этим произволом! Ни с того ни с сего меня хватают и, не говоря ни слова, толкают за решетку. И вдобавок ко всему еще подвергают унижительному обыску. Будто я последний жулик! Нет, вы мне скажите, где же тут неприкосновенность личности?! Или для милиции законы не писаны? Для чего, спрашивается, тогда существует Конституция? Или, может быть, ее отменили? Прошу объяснить. И знайте: я буду жаловаться во все инстанции, пока виновные в незаконном задержании не понесут наказания! Я требую извинений!

Полковник Колосов с невозмутимым видом ждал конца гневной тирады.

- У вас всё? - спокойно спросил он, когда Грачев заметно выдохся.- Тогда разрешите задать вам несколько вопросов. Если вы ответите на них удовлетворительно, мы принесем вам извинения и уж, конечно, накажем виновных.

- Я к вашим услугам.- Грачев откинулся на спинку стула. Светлые детские глаза его смотрели на полковника выжидающе.

- Так ... Начнем хотя бы с того, что нас интересует, где вы были вечером в прошлый четверг. Желательно указать место точно. Товарищ лейтенант, прошу фиксировать ответы подследственного.

- У меня склероз. Я не запоминаю всех дней своей жизни,- высокомерно ответил бухгалтер.

- Склероз при вашей профессии опасен,- заметил полковник.-Помогу вам освежить память: утром в пятницу стало известно о краже. Чем вы занимались накануне вечером?

- Я был дома. Потом гулял по улице у парка. Потом вернулся обратно домой.

- Во сколько?

Грачев выкинул перед собой худую нервную руку:

- Какое это имеет значение? Я не помню точно. Может быть, в десять, может, и в одиннадцать вечера.

- Но уж никак не позднее, конечно? - тихо спросил полковник.

- Не позднее.

Полковник перелистал бумаги.

А вот ваш сосед испытывал нужду в деньгах и поджидал вашего возвращения на скамейке у подъезда дома до половины двенадцатого как минимум. Хотел занять у вас денег.

- Это Стукалов, больше некому. Как вы можете ему верить? Это же горький пьяница!

- В тот вечер он был трезв, что подтверждается его женой. Дальше: оставив скамейку, он поднялся на лестничную площадку и ждал еще минут десять.

Грачев потеревил бородку.

- Ничего не могу сказать. В конце концов я мог вернуться и в двенадцать.

Полковник покачал головой:

- Для вашего возраста поздновато ... Хорошо. Еще вопрос: дети никогда не посещали вашей квартиры?

- К чему эти неуместные шутки? Мне уже поздно заниматься детьми.

- Ну, а скажем, лепкой вы не увлекаетесь?

- Нет!

- Для чего- же тогда вы держите в своей квартире пластилин?- Колосов выложил на стол коробку.

Грачев вскочил:

- Вы обшарили не только мои карманы, но и мою квартиру?! Я протестую!

-Спокойнее. Садитесь, пожалуйста ... Не можете ли сказать, на что вы использовали две недостающие здесь палочки?

Коробка медленно открылась. Грачев отвернулся.

-Не помню. Когда-то я купил пластилин для замазки окна. Возможно, промазал им какую-нибудь щель в квартире. И вообще я требую прекратить эту комедию! Колосов покачал головой:

-Боюсь, что эта комедия рискует затянуться, если вы будете и дальше давать уклончивые ответы. Следующий вопрос: для чего вы купили вот это масло? -он показал Грачеву небольшой пузырек.

-По-моему, ясно. В каждом доме должно быть машинное масло! Оно идет на смазку всего железного!

-Вы немного ошибаетесь. Вместо машинного масла вы, очевидно, по незнанию или в спешке приобрели костное. Оно имеет ценность только для механизмов, которых в вашей квартире нет. Можете назвать хоть одну вещь, которую вы смазали?

Грачев начал нервничать.

-Я смазал им свои старые ботинки! А потом выкинул их на помойку, потому что это плохое масло! Вам понятно?! Какое все это имеет отношение к делу? И главное -какое право вы имели лезть в чужую квартиру?!

-Обыск произведен с санкции прокурора,-холодно сказал Колосов.-И по всем правилам: в присутствии понятых, с составлением соответствующих документов и так далее. За него мы несем полную ответственность перед законом ... Далее: вы богатый человек?

Неожиданный вопрос застал Грачева врасплох. Ответ последовал не скоро.

-Я не крез. Я счетный работник.

Бровь полковника вопросительно выгнулась:

- Тогда откуда у вас такие суммы? Здесь восемь сберегательных книжек на общую сумму в двадцать с лишним тысяч рублей. Правда, кассы в разных городах: Горький, Москва, даже Киев. Фамилии тоже разные: Грай, Греков, Гречиха и так далее. Это, очевидно, потому, что вы не хотели разучивать новые росписи или боялись забыть их, а потому пользовались своей настоящей росписью?

- Это не мои книжки. Не старайтесь приписать мне что-то!

- Рад бы поверить,- вздохнул полковник, потирая свой седой «ежик»,- но вы забываете о существовании фототелеграфа. Мы уже получили несколько образчиков вашей росписи. Показать?

- Не надо.- Грачев отвернулся и стал смотреть в угол. Он сник, сгорбился на стуле. Бородака у него заметно вздрагивала.

- Так откуда у вас эти деньги? И почему вы прятали сберкнижки в сарае, когда другие люди хранят их дома?

- Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

- Хорошо, зададим другие. Что вы делали в кабинете коменданта университета, когда вас задержали?

- Я искал в архиве нужную мне папку. В тот вечер я работал, чтобы перед отпуском привести дела в порядок.

- Искали в темноте? И вдобавок в перчатках?

- Мне показалось, что выключатель испорчен ...

- Но вы к нему и не прикасались. К. вашему сведению, мы его для контроля испачкали краской ... А перчатки к чему?

Там очень пыльно, а мне не хотелось пачкать руки.

- Не хотелось пачкать руки?- с трудом, сквозь смех, спросил полковник, трясая седой головой.- Вам, Грачев? Бухгалтер хмуро молчал. Колосов немного успокоился, достал платок, вытер слезящийся глаз.

- Нет, Грачев. Тот, кто имеет такие, как у вас, грязные руки, уже не рискует их запачкать. Хватит путаных обходных и наивных ответов. Вы для этого слишком давно вышли из детского возраста. Я тоже. Теперь я вам расскажу, как было дело. А вы слушайте .

... Итак, деньги вы начали сколачивать давно. Однако жадность помешала вам остановиться. И вы решились на крупное дело: взяли на прицел университетский сейф. Но, будучи в этом деле недостаточно опытным, решили сначала, так сказать, приобрести некоторую квалификацию. Накупили кучу книг детективного характера, особенно таких, где речь идет о вскрытии и ограблении сейфов: у вас в квартире хранится солидная библиотечка книг именно на эту тему. Но это деталь. Следующим этапом стали проблемы отмычки, дрели или ключа. В первых двух вы ничего не смыслили, и выбор, естественно, пал на ключ. Далее вы идете по примитивному пути. Приобретаете коробку пластилина, уличаете момент, когда кассир забывает ключ, и снимаете с него слепок. Смотрите сюда: вот ваш пластилин, а вот контрольная коробка. Как видите, не хватает в вашем наборе палочек двух цветов - розовой и коричневой. А вот заключение экспертизы о том, что ключ кассира Сидоркиной носит на себе следы пластилина соответствующих цветов ...

Готовясь идти на преступление, вы запасаетесь женскими перчатками из гладкой ткани, которые в вашем возрасте, а тем более при вашем холостяцком положении совершенно не нужны вам. Приобретаете костное

масло и заранее смазываете двери бухгалтерии и кабинета Вихрастова. Кстати, пятна этого масла остались в карманах вашего костюма, в общем вполне приличного. Скажите, кто станет носить флакон с техническим маслом в кармане хорошего костюма? Да никто, кроме человека, подобного вам. Далее вы запасаетесь всем необходимым для уничтожения следов преступления. Ключ к этому времени уже готов: вы заказали его одному слесарю-кустарю в местечке под Львовом, где проводили свой прошлогодний отпуск. Кстати, он опознал вас по фотографии. Но дальше.

Несколько ранее вы устраиваете на работу Вихрастова, отбывшего срок за кражу,- уж это-то отлично вам известно! Для того, чтобы отвести от себя подозрение после ограбления сейфа.

Предпоследний этап: вы совершаете это ограбление. Деньги прячете с довольно хитрым расчетом, тут вам в уме не отказать: как только возьмут Вихрастова,- а в этом вы были почти уверены, ибо сами информировали работников бухгалтерии о его судимости,- останется только забрать украденное, переправить в другое место и потом, улучив момент, скрыться.

Могу вас информировать: Вихрастов оказался порядочным человеком. Случайно обнаружив деньги, он передал их нам. Вам ведь знакома эта вещь? - полковник положил перед Грачевым холщовую сумку.

- Хватит,- устало прервал бухгалтер.- Вы схватили меня за горло, и мне просто не выдержать ... Годы, годы ... Дайте мне закурить. Я расскажу все сам. Учтите чистосердечное признание.

Полковник открыл портсигар, протянул папиросы Грачеву и, повернувшись к Дубову, сказал как-то совсем по-домашнему:

- Николай, будь добр, сбегай за стенографисткой ...

ЖИЗНЬ ВРАГА

- Я родился во Львове в очень обеспеченной семье. Моя подлинная фамилия не Грачев, а Дзиековский, в моих жилах течет кровь последних польских панов... За давностью времени мне ведь не вменяют в виду перемену фамилии. Печальный факт, но я совершил за свою жизнь две непоправимые ошибки. Всего две...

Бывший бухгалтер сидел, закинув ногу на ногу. На первый взгляд поза у него была не принужденная, но стоило немного взглянуть, и становилось ясно, что он просто играл сей час аристократа так же, как до этого скромного советского служащего. Только роль аристократа плохо получалась у него: ему было страшно. Он снова попросил закурить, и в светлых глазах его мелькнуло что -то рабское, умоляющее.

В кабинете, кроме Колесова и стенографистки, были и Толстик с Дубовым. Лейтенант старательно вносил в протокол каждое слово бывшего бухгалтера.

-До прихода Красной Армии к нам, на Западную Украину, жизнь моя складывалась так, что вам может даже сниться. Мой отец был пусть не магнатом, но значительным землевладельцем. И даже это тогда не было главным для меня, так как я с делал свою карьеру. Пятнадцать прекрасных лет, с двадцати до тридцати пяти, я убил на то, чтобы войти в хорошее общество. Служа в одном из крупнейших банков Львова, я приобрел отличное реноме....

Надеюсь Вы понимаете значение этого слова.-
Дзиековский криво усмехнулся.

- С французского- это репутация, но вы ее бесповоротно потеряли пан.- подал реплику Дубов.

Бухгалтер понял, что зарвался. Он посмотрел на Дубова грустными глазами, затаился в последний раз и бросил окуроч в пепельницу.

- Да, теперь уже все потеряно. Точнее - было потеряно еще тогда, с приходом на Украину ваших солдат ... Я был помолвлен с прекрасной девушкой - дочерью магната. Пять лет хитро умнейших интриг должны были дать мне место директора коммерческого банка. А это все! Понимаете, это все: свобода и рольс-ройсы, почет, уважение и пикантные женщины, Ницца, Савойя и тончайшие вина мира ... - все земные блага! .. - Хищный блеск зажегся в глазах Грачева-Дзиековского.- Скажите, полковник, скажите, вы знаете, что такое Ницца?

- Вы большой человек тут, но вы были когда-нибудь в Ницце?!

Колосов покосился на свой погон, выпрямился на стуле.

- Да, Дзиековский, еще до войны. Через нее я ехал в Испанию драться с фашистами ... Но это не касается дела. Здесь не салон, и мы не развлекаемся, а ведем расследование уголовного преступления. Продолжайте, пожалуйста, без лирических отступлений.

Бухгалтер потух, осунулся и упавшим голосом продолжал:

- Я понимаю вас, полковник, но двадцать с лишним лет молчания ... Это было смыслом моей жизни. А потом всё полетело к чертям. Тогда немногие успели убраться за границу. Я не хотел позорить свою фамилию - и стал Грачевым. В тогдашней неразберихе сделать это было нетрудно. Поступил на мелкий завод в Киеве бухгалтером. Если бы вы знали, что у меня было на душе! .. Но вас не интересуют эмоции. Я постараюсь говорить по существу ... Когда началась война с Германией, я воспрянул духом, но события развивались с такой быстротой, что я не сумел быстро скрыться и был эвакуирован с заводом на Урал. Причем на Северный Урал - это была еще та Ницца!.. Прикажете ковать для вас победу?

Пожалуйста. И я ковал,-в тоне бывшего пана мелькнула насмешка.-А что мне оставалось делать? .. Жил я скромно. Правда, там во Львове, оставляя родной дом, успел прихватить кое-какие ценности. Но я никогда не притрагивался к ним, оглядываясь на будущее. Лишь года два назад я обратил всё деньги и положил их на те сберкнижки, которые теперь у вас в руках ... Но что бы прочно расстаться с вашим образом жизни, денег этих было недостаточно.

Дзиековский передохнул. Его никто не торопил.

- Мысль сразу взять крупную сумму появилась у меня давно, но окончательно оформилась прошлым летом. Осенью я встретил Вихростова и помог ему устроиться в университете. Думал сделать из него компаньона, но потом убедился, что парня крепко обработали и он никуда не годится.

Слепок с ключа я снял, когда Сидоркина однажды заезваслась. Момент для «операции», по-моему, был выбран удачный - между ревизией и выдачей денег. Пришлось подождать, пока все удалятся из здания. Спрятал в малом актовом зале, так как там шел ремонт и никто туда после четырех не заглядывал. После того, как деньги оказались в руках, я отправился в кабинет Вихростова (ключ подобрал заранее) и спрятал деньги на шкафу, куда тот никогда не заглядывал. Выходить мимо вахтера было нельзя, вылезать через окно - невозможно. Пришлось остаться в здании ... Вы заметили правильно: я почти всё рассчитал. Подозрение в первую очередь падает на кассира, что должно было отнять у вас массу времени. Во вторую очередь я постарался подмочить авторитет Вихростова через Аиду Прокофьевну и уборщицу - их двоих хватило бы на дюжину Вихростовых. Если бы вы сами нашли деньги у Вихростова, то я бы остался чистым ... Итак, мне пришлось просидеть в университете всю ночь,

а утром, как ни в чем не бывало, явиться на рабочее место.

- Где же вы провели ночь?

- В кабинете Вихрастова.

- Но утром он приходит на работу!

- Пришлось выйти пораньше и два часа ... черт возьми, неприятно вспоминать ... просидеть в туалете.

- Для аристократа недурно,- не удержался Дубов.

Дзиековский метнул на него злой взгляд и продолжал:

- Теперь торопиться мне было некуда. Я решил подождать, пока всё окончательно успокоится, а потом уже вынести деньги - я же не был уверен, что за университетом не установлена слежка. Но когда вами был взят Вихрастов, я решил, что время не ждет, так как, хоть с него и толку нет, вы могли провести обыск в его кабинете. И вот я остался в университете, но ни черта у Вихрастова на шкафу не нашел. Остальное вы знаете лучше, чем я ...

Грачев-Дзиековский умолк. Еще какое-то время он сохранял независимый вид. Поняв, что больше он ничего не скажет, полковник спросил:

- Как вы собирались распорядиться похищенной суммой?

- Хо! Какой вопрос! - Дзиековский оживился.- Уж я-то понимаю в деньгах толк, я сумел бы ими распорядиться! Годок-другой высидел бы в этом дрянном городишке, а потом - Ницца! Советские бумажки с удовольствием обменяет на доллары любой заграничный банк.

- Как же вы перебрались бы за границу?

- За деньги всё можно.

- Сомнительно, пан.
- Уж я рискнул бы,- вздохнул бухгалтер. Видимо, сознание собственного положения только сейчас начало по настоящему доходить до него. Он тихо спросил:
- Сколько, по-вашему, мне дадут?
- Сколько дадут? .. - Колосов закурил и положил портсигар в карман.- Это решит суд. Ну, а на мой взгляд - лет пятнадцать с конфискацией: всего имущества.
- Даже учитывая мое раскаяние?!-прошептал бухгалтер, хватаясь за сердце.
- Вы поздно раскаялись, Дзиековский.
- Пятнадцать лет! Для меня это - что пожизненно ... Дзиековский побледнел, закрыл глаза и тихо сполз со стула.

ЭПИЛОГ

Шел человек по городу. Счастливый человек. Солнце заливало зеленые шумные улицы, плавилось в огромных витринах магазинов, сверкало в никеле пронесившихся мимо автомашин. Шли навстречу люди. Радостные и озабоченные, смеющиеся и деловые, нарядные и в рабочей одежде. Улыбался им Иван Вихрастов. И многие улыбались ему в ответ просто так, беспричинно. На одном углу он купил мороженое, и оно сладко и прохладно таяло во рту. На другом углу взял у лоточницы букет весёлых, пестрых летних цветов и пошел дальше. Некоторые оглядывались ему вслед, гадая, чему он улыбается - солнцу или своему букету. А Иван улыбался потому, что шел и думал: хорошо-жить на свете!